

DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

"IN THE WORLD OF SCIENCE AND EDUCATION"

international scientific-practical journal

ALMATY, KAZAKHSTAN

ISSN: 3007-8946

15 NOVEMBER 2025

els.education23@mail.ru

irc-els.com

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«IN THE WORLD OF SCIENCE AND EDUCATION»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL
«IN THE WORLD OF SCIENCE AND EDUCATION»**

Main editor: G. Shulenbaev

Editorial colleague:

B. Kuspanova
Sh Abyhanova

International editorial board:

R. Stepanov (Russia)
T. Khushruz (Uzbekistan)
A. Azizbek (Uzbekistan)
F. Doflat (Azerbaijan)

International scientific journal «IN THE WORLD OF SCIENCE AND EDUCATION», includes reports of scientists, students, undergraduates and school teachers from different countries (Kazakhstan, Tajikistan, Azerbaijan, Russia, Uzbekistan, China, Turkey, Belarus, Kyrgyzstan, Moldova, Turkmenistan, Georgia, Bulgaria, Mongolia). The materials in the collection will be of interest to the scientific community for further integration of science and education.

Международный научный журнал «IN THE WORLD OF SCIENCE AND EDUCATION», включают доклады учёных, студентов, магистрантов и учителей школ из разных стран (Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, Россия, Узбекистан, Китай, Турция, Беларусь, Кыргызстан, Молдавия, Туркменистан, Грузия, Болгария, Монголия). Материалы сборника будут интересны научной общественности для дальнейшей интеграции науки и образования.

15 ноября 2025 г.
Almaty, Kazakhstan

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718379>

AŞIĞ ƏLƏSGƏR POEZİYASININ SİRLİ-SEHRLİ ALƏMİ

GÜLNARƏ ADIL QIZI KAZIMOVA

ADPU nəzdində Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Kolleci müəllim

Xülasə: XIX əsr aşığı şeirinin yaradıcılarından olan Aşığı Ələsgər aşığı sənətini həm ideya-məzmun, həm də sənətkarlıq baxımından daha da zənginləşdirmişdir. O aşığı poeziyasına rəngarəng yaradıcılıq nümunələri qoyub getmişdir. Aşığı Ələsgərin yazdığı hər bir mısrasında bu gözəlliklərin gizləndiyinin şahidi oluruq. Məqalədə Aşığı Ələsgərin şeir poeziyasının özəllikləri, onun bənzərsiz lirikası tədqiq olunmuşdur. Onun irsinin yüksək fəlsəfi əxlaqi tutumu görkəmli yazarlarımız tərəfindən sevgi və ehtiramla qeyd edilmişdir.

Açar sözlər: Aşığı, Aşığı Ələsgər, poeziya, şeir, lirika.

THE MYSTERIOUS AND MAGICAL WORLD OF ASHIG ALASGAR'S CREATIVITY

Summary: Ashig Alasgar, one of the creators of ashug poetry of the XIX century, further enriched the art of ashug both in terms of idea-content and mastery. He left colorful examples of ashug poetry. We witness that these beauties are hidden in every verse written by Ashig Alasgar. The article examines the features of Ashig Alasgar's poetry and his unique lyrics. The high philosophical and moral capacity of his legacy has been noted with love and respect by our eminent writers.

Keywords: Ashig, Ashig Alasgar, poetry, poetry, lyrics.

Aşığı Ələsgər poeziyasının sirli - sehrli aləmi. Aşığı Ələsgər Azərbaycan aşığı sənətinin milli poeziya tarixində şərəfli yer tutan sənətkarlardan olmuşdur. O, qeyri-adi fitri istedadı sayəsində yaratdığı müxtəlif şəkili, müxtəlif məzmunlu sənət incilərində özünə məxsus bədii boyalarla ifadə etdiyi ümumbəşəri didaktik fikirləri ilə bu müqəddəs sənətin zirvəsinə yüksəlmişdir. Dədə Ələsgər poeziyası alnına Tanrının möhür qoyduğu kamil insan təxəyyülünün, təfəkkürünün ifadə edə biləcəyi sirli-sehrli, gözəlliklə, nurla, hikmətlə, müdrikliklə nəfəs alan möcüzəli bir şeir dünyasıdır. Aşığı

Ələsgər yaradıcılığının, heç olmasa, bir qoşmasını oxumuş, ürəyi poeziya ilə döyünən hər bir insanın bu xəzinəyə biganə qalmayacağı dəqiqdir. Çünki Aşığı Ələsgər yaradıcılığı gözəlliklə, müdrikliklə, bəşər idrakının kamilliyi ilə çalxalanan dərin, sirli-sehrli, müəmmalı, möcüzəli, tilsimli bir ümmandır! Bu ümmanın dərinliklərinə baş vurduqca hətta poeziyanı az-çox bilən, onu sevən insan

Ələsgər dühasının düşüncə, fikir tərzinin poetik-fəlsəfi ifadəsini bütövlüklə başa düşəcəkdir. Ələsgər irsi sirləri hələ tam açılmamış möcüzəli bir poeziya ümmanı kimi, tədqiqatçılar, ələsgərşünaslar qarşısında sonsuz üfüqlər açır, yaradıcılıq zövqü aşılaman imkanlar yaradır. Sehr dolu şeirləriylə Ələsgər möcüzəsi sadəliyin möcüzəsidir. Qüdrətli el sənətkarının yaratdığı əsərlər aşığılarımızın repertuarında geniş yer tutmuş, şənliklərin, məclislərin bəzəyinə çevrilmişdir. Onun məclislərində iştirak etmiş müasirlərinin – qocaların və şeyirdlərinin dediklərinə görə, onun fitri istedadı, vergili şəxsiyyəti, dinləmək yolu ilə əldə etdiyi biliklər və güclü hafizəsi onun, məclislərdə bədahətən şeir söyləməsinə, onları yadında saxlamasına və şeyirdlərinə öyrətməsinə, deyişmələri zamanı heç bir sual qarşısında aciz qalmamasına, bu deyişmələrdə bütün rəqiblərinə qalib gəlməsinə imkan vermişdir. Haqqında söylənilən xatirələrdən, dastan və rəvayətlərdən məlum olur ki, Aşığın qarşı-qarşıya söhbət elədiyi insanların fikrindən keçənləri oxumaq və baş verəcək bir çox hadisələri əvvəlcədən yuxuda görmək qabiliyyəti də bir möcüzə idi. Dinimizin qanun-qaydalarına həmişə ləyaqətlə əməl edən, həqiqəti, təriqəti, şəriəti, mərifəti dəqiq bilən, hər zaman Tanrıya ibadət edən Aşığı, xalqının hər bir fərdini İslam qayda- qanunlarına uyğun müsəlman görmək istəyirdi. Aşığı Ələsgər üçün müsəlman – ən nəcib, məna viyyatı yüksək, Qurani-Kərimin buyurduğu insani keyfiyyətləri və əməlləriylə cavab verən insandır. Aşığı Ələsgər çox güclü hafizəyə, müşahidə qabiliyyətinə malik bir sənətkar olduğundan ətrafda baş verən hadisələrə,

insanların düşüncə və əməllərinə görünəcəklə məsafədən, “göy üzündən” baxar, müşahidə, seyr edər, onların olduqca düzgün poetik mənzərəsini çəkər, qiymət, dəyər verər, mənalandırardı. Yer üzündə isə o öz möcüzəli, vergili şəxsiyyəti, sirli-sehrli, müəmmalı, hikmətli sözü və şeiri ilə, ecazkar sazı və sənəti ilə ətrafındakı insanları heyran qoyardı. Böyük şair Ələsgərin qeyri-adi istedadı, özünə xas bədii təfəkkürü, güclü məntiqi, parlaq obrazlar sistemi, səlis bədii dili, şeirlərindəki misilsiz ifadə aydınlığı, gözəlliyi və bu kimi digər səciyyəvi məziyyətləri onu özündən qabaq və sonra gəlmiş aşıqlardan tamamilə fərqləndirir. Aşıq Ələsgər hər bir azərbaycanlıya qan ilə keçmiş, onun mənəviyyatının bir hissəsinə çevrilmiş söz ustadıdır. Belə sənətkarlara əldə “Haqq aşığı” deyirlər. Qanında Dədə Qorqudu, Qurbanini, Qaracaoğlanı, Yunus Əmrəni, Sarı Aşığı daşıyan Dədə Ələsgər şirinliyi, doğmalığı – müdrikliyin, səmimiyyətin zirvəsidir. Ələsgər aşırıq poeziyamızın sonuncu nəhəngidir. O, yaratdığı dilin və doğma xalqının yaddaşında bəllər söz və musiqi kimi qalan gözəllik vurğunu, həyat aşığı, saflıq və səmimiyyət ustadıdır. Sənəsini özünə dəftər edən Ələsgər aşırıq şerinin, demək olar ki, bütün formalarına müraciət etmiş, qoşma, gəraylı, təniz, qıfılband, dodaqdəyməzlər yaratmış, deyişmələr iştirakçısı olmuşdur. Nadir istedad, incə zövqə malik olan Ələsgər öz sənətini tərəqqi və inkişaf etdirmək üçün belə əmək çəkdiyinə, səy göstərdiyinə görə də o, Azərbaycan şerinin bütün növlərinə, şəkli və tərzə xüsusiyyətlərinə, yüksək şəriyyəyə, zəngin şeir dilinə sahib və hakim olmuşdur. Ələsgər öz dövrünün çox bilikli, məlumatlı adamı, ustad aşığı, qüdrətli şairi idi. Aşıq

Ələsgərin dilində öz üslubi ləyaqəti, bədii estetik yönümü olmayan söz yoxdur. Aşıq Ələsgərin yazıb- yaratdığı Göyçə ədəbi mühiti, bu mühitin onun mədəni-mənəvi inkişaf səviyyəsi, xalq həyatının və məişətinin güzgüsü vəzifəsini yerinə yetirmə dərəcəsi bədii dil göstəriciləri, poetik üslub gözəllikləri ilə olduqca canlı formalarda aşkarlanır. Aşıq Ələsgərin dili daha incə, daha həssas ifadə məcrasında fəaliyyət və hərəkətdədir. Aşıq Ələsgər şeiri bütün ozan-aşıq şeirimizin zirvəsidir. Əsrlərin arxasından süzülüb gələn xalq şeiri, xalq müdrikliyi, xalq dilinin saflığı, bəllurluğu Aşıq Ələsgər şeirində cəmləşmişdir... Aşıq Ələsgərin şeiri təpədən-dırnağa həyatın özüdür. Ələsgər şeirini yaşadan da bu cəhətdir.

Aşıq Ələsgərin dili Azərbaycan dilinin gözəlliyidir və öz təntənəsi, təbiiliyi, dəbdəbəsi və səmimiyyəti ilə gözəlliyin dilidir. Aşıq Ələsgərin şeiri ilk öncə dilin şeiriyyətidir və şeiriyyətin dilidir. Bu dilin sanbalı ondadır ki, o, dərin fəlsəfi fikirlərlə müdriklik və zəngin bədii qayə ilə həyatı mətləblərlə, estetik gözəlliklərlə yüklüdür. Aşıq Ələsgərin dili onun əbədiyaşar söz sənətini əsrdən-əslərə, zamandan-zamanlara və nəsilən-nəsillərə çatdıran qol qanaddır. O, bir söz sərafi, söz vaqifi idi. Təbiəti qəlbən duyan, onun özünəməxsusluğunu böyük həssaslıqla oxucuya, dinləyicilərə duyuran sənətkarın bu mövzuda şeirləri maraqlıdır. Əsrarəngiz təbiətimizin göz oxşayan yaraşığından tutmuş el gözəllərinin vəsfini, mərd igidlərin tərifini saz-söz sehriylə ucalardan ucalara qaldıran böyük ustadın ilk kəlməsindən son kəlamınacan bütün söz dünyasında Azərbaycan ruhunun və

Azərbaycan dilinin saflığı hakimdir. Əzəmətli Aşıq Ələsgər sənətini yüzillikləri fəth etməyə aparan da onun bəğrindəki saf və yenilməz xalq qüdrətidir. Ələsgər poeziyasında sözə verilən qiymət xalq ruhunun, milli düşüncə və təfəkkürümüzün parlaq ifadəsidir. Aşıq Ələsgərin əlvan və çoxyönlü şeir poetikasının özəlliklərini, onun bənzərsiz lirikasının aydın və konkret simasını, dil və üslub sanbalını özündə əks etdirən, estetik siqlətində, sadəliyində və səmimiyyətində özünü biruzə verən dərinliyini dərhal sezməmək mümkün deyil. Aşıq Ələsgərin dil sənətkarlığını geniş kontekstdə, bütün dövrlərin ən parlaq portretləri, görkəmli söz ustadlarının təcrübələri fonunda, zəngin ədəbi ənənələr işığında tədqiq etməklə onun sənət dilinin əlvanlığını, ruhunu, bədii dərinliyini və estetik tutumunu daha müfəssəl təsvir etmək olur. Aşıq Ələsgərin dilinin poetik çəkisini hiss etdikcə, onun bədii qüdrətinə əsaslı şəkildə nüfuz etdikcə böyük söz sərafinin fərdi dəsti-xətti onun bütövlükdə aşırıq şeiri, qüdrətli meylləri ilə daxili əlaqəsi, qarşılıqlı bağlılığı, dolğunluğu ilə aşkara çıxır. Aşıq şeiri dilinin inkişafındakı sənətkarlıq axtarışlarındakı misilsiz xidmətləri, xüsusi bir keyfiyyət mərhələsi kimi orijinal cəhətləri müəyyənləşir. Aşıq Ələsgərin dili, ənənələrdən gələn bədii meyarlar zənginləşmə, bəllurlaşma sanbalı ilə estetik hadisəyə çevrildi ki, bunun da kökü bilavasitə onun şeir təfəkkürünün yeniliyi, poetik dil axtarışlarının tərəvəti ilə bağlı idi. Aşıq Ələsgərin təmsil etdiyi dövrün şeir dilinin yeni bədii keyfiyyətlər əldə etməsi məhz şeirin mədəni səviyyəsinin yüksəlməsi, lirik düşüncənin

təzələnməsi hesabına baş verdi. Aşıq Ələsgər timsalında bədii yaradıcılıqda artan bədii məntiq və məna səviyyəsi, duyğu və düşüncələrin ifadə vasitələri təkrarsız rənglərlə zənginləşmə və püxtələşmə prosesi keçirdi. Poetik təfəkkür orijinallığı şeir dilində əks-səda tapdı. Ana dilindən daha səmərəli faydalanmaq istiqamətində inkişaf Aşıq Ələsgərin yaradıcılığında xüsusi intensivlik qazandı və nəticədə onun əsərləri mükəmməl poetik hadisəyə çevrildi, poetik üslubunun nüfuzu artdı. Aşıq şeirində deyim boyatlığına, şablonlaşmış obrazlı söz və ifadə sisteminə yeni çalarlar, yeni poetik ovqatın məhsulu olan tərəvətli təsvir vasitələri qabarıqlaşdı. Aşıq Ələsgər poeziyası sanki Azərbaycan dilinin bədii imkanlarını sınağa çəkmək üçün, bu dilin qüdrətini təsdiqləmək üçün yaranmışdır. Onun hər misrası hikmətlə yüklüdür, hər kəlmə zəka işığı ilə şüa saçdığına görə heyrləndirəndir, hər kəlamı hikmətdir. Adi təsvirçilik, ritorika Aşıq Ələsgər sözünə ruhən yaddır. Ovqat çeşidindən asılı olaraq hər bir dil vahidi üslubi çeviklik kəsb edir. Ovqat fərqiindən irəli gələrək sözün poetik çalarları mütəhərrikləşir, eyni söz ayrı-ayrı mətn mühitində üslubi cəhətdən fərqlənir. Aşıq Ələsgər sözü təsvir – tərənnüm obyektinin, bədii portretin daxili və xarici cizgilərinin dərininə enir, həyat və sənət həqiqətlərinin nüvəsinə nüfuz edir. Yeni və tərəvətli deyim ənənəvi ədəbi motivləri bədii kəşf səviyyəsinə qaldırır, sözün yeni nəfəsindən güc alan obrazın bədii vüsəti konkret və həyatı detallarla zənginləşdirilir. Aşıq Ələsgərin şeir yaradıcılığı hər şeydən öncə böyük bədii dil hadisəsidir, möcüzəli bir sənət dünyasıdır, sirri tam yozulmamış fərdi üslubun təkrarolunmazlığıdır. Öz coşqunluğu, üsyankar ruhu, həzinliyi, zərifliyi ilə seçilən, lirizmi ilə oxucularını və dinləyicilərini heyran qoyan Aşıq Ələsgər daha çox dil zənginliyinə, lüğət tərkibindən koloritli istifadəsinə, qrammatik ifadə vasitələrinin çevikliyinə görə sevilib-seçilir, dinləyicinin ürəyinə işıq saçır. Əlbəttə, onun bilik-məlumat mənbəyi təkcə yaşadığı mühit – Göyçə mahalı, eləcə də, səfər etdiyi başqa mahallar, başqa obalar, oymaqlar deyildi, bir də qədim kitablardı. Ələsgərin el şairlərini, müdrik qocaları, təcrübəli aşığıları çox maraqla dinlədiyini, savadlı dostlarına, tanışlarına maraqlı kitabları oxudub diqqətlə qulaq asdığını, onlardan eşqlə, həvəslə öyrəndiyini söyləyirlər.

Aşıq Ələsgəri şəxsən dəfələrlə görmüş və onu yaxşı tanıyan Aşıq Şəmşir deyir ki, “Aşıq Ələsgər atamla (Ağdabanlı şair Qurbanla) yaxın dost idi. O tez-tez bizə gələr, atamla mehribanlıqla görüşər, sazdan sözdən səmimi, şirin söhbətlər edərdi. Ələsgər atama o dövrün maraqlı hesab olunan kitablarından oxudar, onu çox maraqla dinləyirdi. Sonra da onlar oxunan kitablar, şeirlər və havalar haqda söhbət açardılar. Ələsgər dövrünün olduqca bilikli, məlumatlı adamı, ustad aşığı, böyük sənətkarı idi. Bununla belə, o yenə də öyrənməyə, öz bilik və məlumatını artırmağa çalışırdı”. Saz-söz arifinin bir də bəxti onda verib ki, o, Aşıq Alı kimi sanballı ustad aşığa tuş gəlmişdir. Məhz özünün təkrarsız ifadəçiliyə malik olması və Aşıq Alının yanında bu ulu sənəti dərinlən mənimsəməsi onu zaman keçdikcə Dədə Ələsgər səviyyəsinə qaldırmışdır. Aşıq Ələsgərin Dədə Ələsgərliyi onun bu sənətə sadəcə çalıb-oxumaq kimi yox, “pürkamal, mərifət elmi” kimi dəyər verməsindən və bunu əməlinə də göstərməsindən bilinirdi. Aşıq Ələsgərin yaradıcılığında məhəbbət lirikası əsas yer tutur. Onun şeirlərində azad və səmimi məhəbbət, nəcib insani keyfiyyətlər tərənnüm olunur. Bununla bərabər, o, sosial yönümlü şeirlər yazmış, bir sıra şeirlərində xalqın ağır həyatını təsvir etmiş, zülm və zorakılığı, ictimai ədalətsizliyi, mürtəce hakimlər və din xadimlərini, cəhəlat və nadanlılığı, tufeyliliyi kəskin tənqid etmişdir. Şeirləri yüksək bədii sənətkarlıq nümunəsi olduğundan təkcə Azərbaycanda deyil, ondan kənarlarda da yayılmışdır. Aşıq Ələsgər poeziyasında Vətən təbiətinin gözəlliyi, onun misilsiz zənginliyi, poetik sözün bütün əzəməti, onun nəhayətsiz rəngləri və incə çalarlıqları təsvir və tərənnüm edilmişdir. Aşıq Ələsgərin bizə gəlib çatan irsi zəngin bir irsdir. Xalq yazıçısı Mirzə İbrahimov əbəs yerə demir ki, Aşıq Ələsgərin poeziyası əbədi yaşayacaq böyük sənət nümunəsidir, o öz yaradıcılığı ilə Azərbaycan xalqının bədii təfəkkürünün qabaqcıl, mütərəqqi ənənələrini davam və inkişaf etdirmişdir. Bu böyük poeziyada insan və onun mənəvi gözəllikləri, xalq həyatı və məişətinin konkret bədii səhnələri, vətənin təbiəti, xalqın adət və ənənələri zəngin boyalarla əks olunmuşdur. Onun yaradıcılığının bədii keyfiyyətləri sənətkarlığı, bədii dili və obrazlı ifadələri bişmiş, bitkin, bütöv və gözəldir. Bu mənada, Aşığın təbiət mövzusunda şeirlərini oxuyarkən gözlərimiz qarşısında aydın bir səma, parça-parça mavi buludlar, nəhəng xalını xatırladan çəmənlər, çağlayan şəlalələr, durna gözlü bulaqlar və s. qarşı böyük bir sevgi, kövrək bir məhəbbət oyanır. Bu qəbildən olan şeirlərindən, Aşıq Ələsgər hər şeydən əvvəl, bir təbiət vurğunu, gözəllik

aşıq kimi çıxış edir. Xalq dilinin hüdudları aşığın əsərlərində xeyli dərəcədə genişlənmişdir. “Şah dağı” şeirində oxuyuruq:

Süsən, sünbül, gül, ərğəvan Köysündə laləzar verib; Alan, satan gözəllərdir, Nə rəvanc bazar verib; Dəmənin çəhar fəsildi, Hər meyvə bitib, bar verib; Xudam səni çox bəyənilib, Bir belə ixtiyar verib; Dalın dənizə söykənib, Kürdü ayağın, Şah dağı!

Aşıq Ələsgərin yaradıcılığında dinləyicilərə əxlaqi nəsihətlər, mənəvi dəyərlər aşılayan şeirlər – ustadnamələr mühüm yer tutur. Aşığın əxlaqi-tərbiyəvi mövzuda deyilmiş “Olmaz”, “Gərəkdi” şeirləri xalqı mahiyyət daşıyır, xalq müdrikliyini, sənətkarın böyük həyat təcrübəsini əks etdirir. Bu əsərlərdə atalar sözləri, məsəllərdən istifadə edən aşıq “namərd”, “nakəs”, “müxənnət” insanların şəxsiyyətini ifadə edir, dinləyicini mərdliyə, saflığa, düzlüyə, namuslu olmağa səsləyir:

Yadın oğlu yağlı aşə mehməndi,

Dar günündə baxarsan ki, usandı, Düşən günü düşmənlər elə düşməndi,

Yüz il keçsə, qohum səndən yad olmaz.

Aşıq Ələsgərin yaradıcılığında dövrün ictimai eynilərinin tənqidinə həsr olunmuş əsərlər mövzu aktuallığı, satirik-tənqidi məzmunu, ideya-bədii məziyyətləri ilə diqqəti cəlb edir. “Görmədim” rədifli qoşmada aşığın əsas tənqid hədəfləri yalançı şahidlər, zalım bəyləri, ikiüzlü qazılardır:

Ələsgər, elmində olma nabalə, Doğru söylə, sözün çıxmasın vələt. Şahiddə iman yox, bəyde ədalət, Qazılardan düz bazarın görmədim.

“Çıxıbdı” rədifli qoşmada riyakar ruhanilər, “məşədi” və “kalvayılar,” dərəcəlik mühitində at oynadan, günahsız insanların qanını tökən, soyğunçuluq edən qoçular, quldurlar, harınlıq edib rəiyyəti qamçılayan pristav, naçalnik kimi çar hakimləri, kəndlinin var-yoxunu əlindən alıb dilənçi kökünə salan ağalar, bəylərin cinayətləri sadalanır:

Qoçular, quldurlar qatar taxırlar, Fəqir-füqəraya yan-yan baxırlar, Kimi istəsələr vurub yıxırlar, Beşatanın çatacağı çıxıbdı. Pristav, naçalnik gələndə kəndə, Obanı, oymağı vururlar, bəndə, Xərc üstə çoxları düşdü kəməndə, Qamçıda belinin qatı çıxıbdı.

Xalqın ağır həyat şəraiti, vergilərin insanları müflis vəziyyətə salması, zəhmət adamının düşdüyü dözülməz durum aşığın qəlbində hiddət, qəzəb hissi doğurur. Soydaşlarının dərdlərinə laqeyd qala bilməyən aşıq Allaha üz tutaraq padşahın insanlara dər, kədər, “sitəm” gətirməsindən şikayət edir, xalqın vəziyyətinin, gördüyü cəfaların dözülməz olduğunu söyləyir. Zülm əlindən cana doymuş insanların çara yazdığı ərizələrə baxılmaması aşığın kəskin etirazına səbəb olur:

Ərizələr ətqaz qayıtsa Şahdan imdad olmasa, Fanidən köçmək lazımdı Ol üqbaya dalbadal.

Aşıq Ələsgərin nəhəng sənətkar obrazı, əzəməti poeziyamızın nəhayətsiz kəhkəşanında ona görə sönməzlik qazanıb ki, onun dili xalqın milli təfəkküründən, milli ruhundan güc-qüvvət alır. Xalq düşüncəsinin, mənəviyyatının gur işıqlarından xüsusi parlaqlıq qazanan sənətkarın təkrar olunmaz poetik səsi zamandan-zamana öz tərəvətini daha da artırır, öz möhtəşəmliyi ilə ucalır. Bu poeziyanın həyat qüvvəsi, həmişəyaşarlığı dilindəki xalq nəfəsi ilə şərtlənir, bu dil sənətkar bənərsizliyinin poetik təsdiqi kimi birmənalı şəkildə qəbul olunur. Aşıq Ələsgərin misilsiz mənəvi xəzinəsi yalnız müəyyən lirik ovqatın ifadəsi olmayıb, eyni zamanda bəşəriyyəti düşündürən ayrı-ayrı etik, fəlsəfi görüşlərin, insan mənəviyyatının mükəmməl bədii təəcəssümüdür. Olduqca zəngin, mürəkkəb və rəngarəng poetik formalarda emosional – estetik dəyər qazanmış, bədii-estetik məziyyətləri ilə heyran doğurmuş bu poeziyanın dili özünə qədərki klassik ənənədən bəhrələnərək yarandığı dövrün nəfəsinə uyğun söz sənətinə yeni həyat vermişdir. Bədii dilimizin öz tarixi köklərinə bağlılığı, milli zəmində doğma qəliblərində möcüzələr yaratma imkanları nümayiş etdirilmişdir. Ona görə də bu dil bəlağətli nitqin, nitq gözəlliyinin möhtəşəm nümunələri kimi ürəklərə asanlıqla yol tapmışdır. Füsunkarlığı, gözəl dil, üslub və ifadə tərz, fikir dolğunluğu, təsir dairəsinin genişliyi baxımından Aşıq Ələsgərin poetik yaradıcılığı xüsusilə seçilir, bəlağət və söz sənətinin dil incəlikləri öz bədii-estetik və emosional təsir nöqtəyi-nəzərdən kamillik nümunəsi hesab edilir. Əsrlər keçəcək Azərbaycanın milli aləti olan, ölməz sazın simlərinə toxunduqca Ələsgər ruhu, Ələsgər poeziyasının sirli-sehrli aləmi dil açacaq, qulaqlara mirvari kimi süzüləcəkdir.

Saz-söz dünyasının nəhəngi olan Aşıq Ələsgər böyük sənətkar kimi aşıq sənətini zirvəyə qaldıra bilmişdir. Onun əsərləri insanda çox nəcib duyğular oyatmış insana böyük zövq vermişdir. Aşıq

Ələsgərin yaratdığı əsərlər xalqımızın qəlbində yer tutaraq dinləyəni öz sirli-sehrli dünyasına qərq etmişdir.

ƏDƏBİYYAT SİYAHISI.

- 1..Aşıq Ələsgər “Əsərləri”Şərq -Qərb Bakı 2004 səh.11.
2. “A.Ələsgərin söz ümmanı” M.Hüseynov Elm və təhsil Bakı 2017 səh 37.
- 3.”Aşıq Ələsgərin poetik və musiqi dünyası” . İksad 2021səh 58.
4. “Sazın əbədiyyət yolu” Bakı 2021 səh 30.
5. Xəlil Z. Azərbaycan uşaq ədəbiyyatı (rus dilində).-Moskva, 1987.
6. Yusifoğlu R. Uşaq ədəbiyyatı.-Bakı, 2006.
7. Namazov Q. Azərbaycan uşaq ədəbiyyatı.- Bakı, 1984.
8. Hacıyev A. Azərbaycan uşaq ədəbiyyatı tarixi.- Bakı, 2004.
9. Yusifoğlu R. Uşaq ədəbiyyatı.-Bakı, 2006.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718399>

УДК. 801.8

THE STRUCTURES AND METHODS OF FORMING TERMS IN LINGUISTICS

SOLIEVA M.A.

«International Institute of Khujand» of International University of tourism and
Entrepreneurship of Tajikistan

Annotation. *The term has an internal form, which is equal to its inner side, often when a word transforms into terms, a change occurs in its internal side, acquiring a terminological meaning, which is facilitated by various ways of terminology of a word, depending on the ratio of the internal and external sides of the term, motivated and unmotivated terms are distinguished. Terms that do not have an internal form are called unmotivated, and terms that have it are called motivated or orienting. The symbolic aspects of unmotivated terms are completely uninformative, they do not express any of the characteristics of the designated object. The motivation of the sign side of the term has various manifestations, depending on the degree of accuracy of the relationship between the internal form and the concept contained in the term, terms are divided into correctly orienting, insufficiently orienting and false (incorrectly) orienting. At the same time, the most suitable lexical units for a term are those that correctly focus on the motivation of the internal form of the term. The problem of the term and terminology is one of the important problems of general linguistics. All questions related to the definition and clarification of the concept of "term", with the disclosure of the content of this concept, its evolution and the means of its design in language (in individual languages) both in the general linguistic plan and in relation to individual sciences or branches of knowledge, bring linguistics closer to various areas of scientific knowledge, as well as to practice, to the history of the material and spiritual culture of mankind. The study of highly specialized vocabulary is necessary for the creation of a general theory of terminology. It is important that scientists strive to understand the general patterns of the emergence of terminology, as well as the interaction of terms in the cognition of the pattern and functioning of terms in the form of stable verbal designations, which are units of the scientific style of language and at the same time, in large part, are part of the common vocabulary. In the study of the nature of the term, two approaches, two points of view are observed: structural-linguistic and conceptual, semantic, conditioned by the development of the system of concepts of a particular science, a particular craft.*

Keywords: *term, linguistics, science, jargon, lexical system, research, scientific directions, semantics, meanings.*

ТАРКИБ ВА УСУЛҲОИ СОХТИ ВОЖАҲО ДАР ЗАБОНШИНОСИ

СОЛИЕВА МУҲАЙЕ АБДУЛАКИМОВНА

«Донишкадаи байналмилалии Хучанд» -и Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон, номзади илмҳои филологӣ, дотсент. Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш.Хучанд

Аннотация. *Вожаҳо шакли дохилӣ доранд, ки аксар вақт ҳангоми ба истилоҳот табдил ёфтани калима дар мазмуни он тағйирот ба амал меояд, маънои истилоҳӣ пайдо мекунад, ки ба ин воҳидҳои гуногуни истилоҳоти калима мусоидат мекунад, аз рӯи таносуби паҳлӯҳои дохилӣ ва берунии истилоҳ ба истилоҳоти асоснок ва беасос ҷудо карда мешаванд. Истилоҳое, ки шакли дохилӣ надоранд, бебабаб ва истилоҳоте, ки онро доранд, асоснок номида мешаванд. Ҷанбаҳои рамзии истилоҳоти беасос қиматҳои ғайримеълулотӣ мебошанд, ки онҳо ягон хусусияти объекти таъиншударо ифода намеkunанд. Вобаста ба дараҷаи дурустии муносибати шакли ботинӣ ва мафҳуми дар истилоҳ мавҷудбуда, ангезаи тарафи аломати истилоҳот зухуроти гуногун дорад, истилоҳот ба равиюи дуруст, нокифоя, ва равиюи*

нодуруст ҷудо мешаванд. Дар баробари ин воҳидҳои лугавии истилоҳ мувофиқтарин воҳидҳое мебошанд, ки дуруст ба ангеваи шакли дохилии истилоҳ таваҷҷӯҳ доранд. Масъалаи истилоҳот яке аз масъалаҳои муҳими забониносии умумӣ мебошад. Ҳама саволҳои марбут ба таъриф ва тавзеҳи мафҳуми истилоҳ, бо ифшои мазмуни ин мафҳум, таҳаввули он ва воситаҳои тарҳрезии он дар забон (ба забонҳои алоҳида) чи аз истилоҳоти умумии забониносии ва ҳам дар робита ба илм ё соҳаҳои алоҳидаи дониш забониносиёро ба соҳаҳои гуногуни дониши илмӣ, инчунин бо амалия, бо таърихи маданияти модди ва маънавии инсоният наздик мекунад. Барои ба вуҷуд овардани назарияи умумии истилоҳот омӯхтани лексикаи баландихтисос зарур аст. Муҳим аст, ки олимони барои фаҳмидани қонунҳои умумии пайдоиши истилоҳот, инчунин таъсири мутақобилаи истилоҳот дар шинохти қолабҳо ва фаъолияти истилоҳот дар шакли аломатҳои устувори шифохӣ, ки воҳидҳои услуби илмӣ истилоҳот мебошанд, кӯшиши кунанд. Забон ва дар баробари ин, асосан бо таркиби лугатҳои маъмулӣ истифода мешаванд. Дар омӯзиши моҳияти истилоҳ ду равиш, ду нуқтаи назар: сохторӣ-забонӣ ва концептуалӣ- семантикӣ, ки бо инкишофи системаи мафҳумҳои илмӣ муайян карда мешаванд.

Калидвожаҳо: истилоҳ, забониносии, илм, вожа, системаи лексикӣ, тадқиқот, самтҳои илмӣ, семантика, маъноҳо.

СТРУКТУРА И МЕТОДЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

СОЛИЕВА МУХАЙЕ АБДУЛАКИМОВНА

«Международный Институт Худжанда» - Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат филологических наук, доцент. Республика Таджикистан, г. Худжанд

Аннотация. Термин обладает внутренней формой, которая равняется его знаковой стороне, часто при переходе слова в термины происходит изменение в его внутренней стороне, приобретает терминологическое значение, которому содействуют различные способы терминологизации слова в зависимости от соотношения внутренней и внешней сторон термина выделяют мотивированные и немотивированные термины. Термины, не имеющие внутренней формы, называют немотивированными а термины, которые обладают ей, называются мотивированными или ориентирующими. Знаковые стороны немотивированных терминов совершенно неинформативны, они не выражают какого-либо из признаков обозначаемого предмета. Мотивация знаковой стороны термина имеет различные проявления, в зависимости от степени точности соотношения внутренней формы и заключенного в термине. Понятия термины подразделяют на верно ориентирующие, недостаточно ориентирующие и ложно (неверно) ориентирующие. При этом наиболее пригодными, для термина считаются лексические единицы, верно ориентирующие на мотивацию внутренней формы термина. Проблема термина и терминологии относится к одной из важных проблем общего языкознания. Все вопросы, связанные с определением и уточнением понятия «термин», с раскрытием содержания этого понятия, его эволюции и средств его оформления в языке (в отдельных языках) как в общелингвистическом плане, так и применительно к отдельным наукам или отраслям знания, сближают языкознание с различными областями научного знания, а также с практикой, с историей материальной и духовной культуры человечества.

Изучение узкоспециальной лексики необходимо для создания общей теории терминологии. Важным является стремление ученых познать общие закономерности возникновения терминологии, а также взаимодействие терминов в познании закономерности и функционировании терминов в виде устойчивых словесных обозначений, представляющих собой единицы научного стиля языка и при этом в значительной своей части входящие в состав общеупотребительной лексики. В исследовании природы термина наблюдаются два

подхода, две точки зрения: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки, того или иного ремесла.

Ключевые слова: *термин, лингвистика, наука, жаргон, лексическая система, исследование, научные направления, семантика, значения.*

The term in modern linguistic science is one of the most controversial concepts and is interpreted in accordance with the understanding of scientific directions and schools. According to V.P. Danilenko, the term has a record number of definitions. In the work of S. Bally, the term is defined as a sign of “another semantic nature” [Bally 1965]. The famous Russian Soviet linguist Academician V. Vinogradov characterized the term as a means of scientific definition and logical definition. For academician Y.S., Stepanova, the most important categorical feature of the term was the limiting relationship of the meaning with the concept, therefore the term is characterized as the limit of the significative meaning of the word. This aspect of the term is also formulated in the understanding of the term as an expression of scientific concepts, emphasizing the similarity of the term with a mathematical or chemical-mathematical formula. For some researchers, the most important feature of a term is its relevance to professional vocabulary or even jargon, etc.

However, in all these definitions of the term, regular features are emphasized, both with its external correlation and with its place within the lexical system. In various studies, when defining a term, various features are used as the basis for the definition, priority among which is the accuracy of the definition of the concept of the term and its suitability for use in science.

In this article the initial definition of the term is the following: term (from Latin terminus - border, limit) is a word or phrase that is the name of a special concept of any sphere of production, science or art. The term is not only denotes this or that concept, but is also necessarily based on the definition of the concept" [Encyclopedia: Russian language, 1979, 349].

Terminology in the structure of the lexical system occupies a special place due to the structural organization of the components, the close internal relationship of the parts, the generation of semantics and semantic relationships with other parts of the vocabulary of the language, the specific nomination in relation to the object of reflection and formation, functional orientation. Associated with these features of terms are the distinctive features that terms in the language possess, in contrast to other lexical associations of the language. These differences are, first of all, functional structural-genetic, lexical-semantic, morphological, word-formation and normative-stylistic nature, specific aspects of which were discussed above, highlighting the conceptual properties and characteristics of terms. The most specific feature of the term is its highest systemic organization. [1, p. 45].

The established patterns are valid not only for the textile terminological system, they can be extrapolated to the terminological systems of other branches of knowledge. Given the validity of the established characteristics, the terminological vocabulary as a whole is characterized by the originality of each terminological system, associated with the peculiarities of its formation and development, as well as the nature of the most terminated field of knowledge, determine some specificity of their manifestation in each specific case.

In linguistic research, the main linguistic features and, accordingly, the requirements for the term have now been formed, which include: unambiguity, accuracy, brevity. In such positions are supporters of the structural-substantive approach to the term, considering the term as a special word which, in its semantic and grammatical structure, is opposed to the commonly used / terminological school of S. Lotge and others /. Supporters of the functional approach questioned this view of the term as a special word.

It has been proven that a term is a function, a type of use, of a lexical unit, and not a special type of lexical unit. The study of terminology adheres to the concept of the functional nature of the term, the result of which is the recognition of the language of science as a functional variety of literary language.

Terms, as the basic units of terminological vocabulary, are used within the framework of a functional style; scientific and technical literature, only for its intended purpose (as names and

linguistic means of expression: scientific and technical thought), therefore they require special rigor of use, i.e., in accordance with the declared content. However, this is only one semantic feature of the terms. To identify all the other proper linguistic features of terminology, it is necessary to characterize it from different sides – from genetic, lexical-semantic and word-formation. [2, p 80].

Let us briefly describe the main properties of the term.

Definitiveness. A term is a word or phrase to which a scientific concept or the concept of a special field of activity is firmly assigned. And terminology is a set of terms interconnected by relations of genus and species, whole and part and etc., that is, it is not a disorderly collection of terms, but an organized (to one degree or another) set of them. It is systemic. And this system, as one terminologist said, has a “conceptual framework,” that is, the organizing principle in it is the relationships between concepts.

The meaning of ordinary words is made up of ordinary concepts, and the meaning of terms is made up of scientific or special concepts, which more accurately and deeply reflect reality than ordinary ones. The word **forest** has an everyday meaning and a terminological one. In general language, **forest** can be used figuratively: **forest of bayonets**, **forest of hands**. But in terminology, no. In the common language, the word **hole** is the name of both a **hole** and a **remote place**. In terminology, a different concept is assigned to it. Some terminologists believe that it is more accurate to talk not about the terminological and non-terminological meaning of a word, but to recognize the homonymy of a term and an ordinary word. To establish the meaning of a term, it is necessary to give a definition of the concept, that is, to name the characteristics of an object or class of objects reflected by the concept, to reveal the content of the concept. [3, p 60].

Attributing a special or scientific concept to an ordinary word is called terminology. And when a term becomes commonly used and receives an everyday meaning that coexists with the terminological one (for example, epicenter, pre-infarction state, orbit), then they talk about the determinologization of the term.

Often, several concepts are inherent in the same word or phrase within terminology, which reveals the polysemy of the term, which leads to the identification of semantic variants in the structure of the term, and the term itself is distinguished as polysemantic. Polysemy in terminology is considered a feature that does not correspond to its main purpose of being precise and specific.

Cases of interbranch or interdisciplinary polysemy are widely known, when a term that is unambiguous in the terminology of each individual branch of practical activity or scientific discipline has a different meaning in each of them.

In this case, interdisciplinary homonymy or polysemy, assimilation in ethnography, linguistics and other branches of science, valence in linguistics and chemistry are revealed.

As researchers note, intersectoral and interdisciplinary polysemy and homonymy of terms arise for two reasons. Either in the terminology of different industries, different concepts are independently attributed to the same word or phrase, or one terminology (or several terminologies) borrows terms from another.

The first reason is related to the mutual influence and interpenetration of sciences, occasionalism in philosophy and linguistics. This terminology most often appears in industries that arise at the intersection of different sciences, which, along with basic concepts, borrow terminology. Linguistic disciplines include sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, etc.

An important aspect of the functioning of terminology is the question of synonymous terms. Synonyms play a significant role in the artistic and visual system of language. In the system of terminology, researchers generally have a negative attitude towards the synonymy of terms, since synonymous terms are two or more terms that, while naming the same thing, have different sign sides expressing the same concept or identical concepts. For example, linguistics, glottology, glossology name and express the same concept. Terms can exist in different phonetic, morphological orthographic and other variants. For example: camphor and camphar, elixir and elixir; capriccio and capriccioso, spasm and spasma and others are not sufficiently tested in the lexical-semantic aspect. [4, p. 110].

The categorical characteristics of terms and terminology also include the relative stability of words for expressing a scientific and technical concept within one scientific concept or particular science - systematicity, i.e. the ability of a word expressing a scientific and technical concept to occupy a certain place in the system of terms of a given concept and science, the ability to be reproduced in scientific and technical speech in finished form. [5, p45].

As a term is a unit of a term system, we can talk about its systematicity. The systematic nature of the terms of one term system is manifested both in terms of content and in terms of their expression, with the determining role of the content plan. Terms that are not related to each other morphologically are arbitrary collections of words, while a terminological system is formed only from elements that have the property of external systematicity.

The systematic nature of the terms of one term system is manifested both in terms of content and in terms of their expression, with the determining role of the content plan. Although the plan of content and the plan of expression of terms of one terminological system constitute a unity, consideration of the systematic characteristics of a certain terminological system is separate for the plan of content and for the plan of expression of such terms.

The terminological system is in a stage of continuous development and change. These changes are the result of the development of science, which causes the emergence of new concepts, changes in existing ones, and in some cases the death of existing concepts.

The main feature of the term system is its mobility, which is determined by the persistent desire of scientists for a more in-depth study of the phenomena of reality in connection with the continuous scientific and technical progress of society. The property of mobility of a term system does not contradict the property of relative stability of the terms included in it. Without such stability there could be no scientific and technical research, no clear communication in the field of science and technology.

The distinction between a term and a commonly used word is aimed at solving the practical goals of teaching the Tajik or Russian professional language in non-linguistic universities when distinguishing lexical units from the point of view of their primary and secondary meanings. Thus, commonly used words, being, as a rule, polysemantic, have general linguistic meanings as their main meanings, while terminological meanings act as secondary meanings in their structure. An example is the term *фард*, the main meaning of which is the terminological “*species*”, “*class*”, while the secondary meaning: “*citizen*”, “*person*” is commonly used.

In this article we proceed from the understanding of the term as a word whose terminological meaning is basic. Ideally, terms are words whose semantic structure is limited to meanings associated with a certain branch of knowledge, such as: anthropogenesis, geography, geology, atmosphere, biosphere, ocean, etc. The above provides the basis for understanding the term as a word, which in all its meanings or part of its meanings expresses the special concept of science, technology, production, etc., and which functions primarily in a special field. The main meaning of a term or terminology word in our research is considered to be the first meaning of the semantic structure of the word, recorded in the dictionary. Modern science considers terms and terminologies as elements of broader systemic formations than just terminological systems. Since terms are generated by special systems of concepts, it would be logical to turn to materials that operate with these systems of concepts and are grouped mainly within the framework of the functional style of science and technology. [6, p. 93].

The specificity of terms is that, first of all, they do not lose their integrity, no matter how their content is conveyed. Regardless of whether the terms are monosyllabic words or polysyllabic phrases, they always represent one sign to which one concept corresponds. Even if a term has a complex internal semantic structure, it is still a single, independent unit of name. But at the same time, terms are ordinary words, and nothing linguistic is alien to them. Like ordinary words, terms are formed on the basis of existing words through word formation. The structure of a term often reflects the characteristics of concepts and their place in the corresponding terminology system. An important

property of terminological systems is their consistency, which is created by the classification of concepts and is realized in the uniform construction of terms.

The problem of the term and terminology is one of the important problems of general linguistics. All questions related to the definition and clarification of the concept of "term", with the disclosure of the content of this concept, its evolution and the means of its design in language (in individual languages) both in the general linguistic plan and in relation to individual sciences or branches of knowledge, bring linguistics closer to various areas of scientific knowledge, as well as to practice, to the history of the material and spiritual culture of mankind. [7, p. 84].

The study of highly specialized vocabulary is necessary for the creation of a general theory of terminology. It is important that scientists strive to understand the general patterns of the emergence of terminology, as well as the interaction of terms in the cognition of the pattern and functioning of terms in the form of stable verbal designations, which are units of the scientific style of language and at the same time, in large part, are part of the common vocabulary. In the study of the nature of the term, two approaches, two points of view are observed: structural-linguistic and conceptual, semantic, conditioned by the development of the system of concepts of a particular science, a particular craft. [9, p. 90].

This is the case, in particular, in the field of terminological semantics and vocabulary, which have not yet been covered in detail in science using the material of languages of different systems, especially in a comparative sense. Terminology includes many terminological subsystems. In the middle of the 20th century, terminology is increasing interest to many linguists, as well as to researchers from different countries. And the emergence of the first theoretical provisions of terminology in foreign linguistics is observed in the 19th century. Approaching the study of the nature of the term from different sides, both theoretical and practical, researchers have identified all its new characteristics observed in various languages. [11, p. 110].

This interest is quite justified, since the terms in any language, Russian or English, are subject to practically the same laws of creation and functioning of new words and combinations as in the common language in general. Thus, in connection with the tasks of language construction, as well as the development of literary languages, the need arose to develop the basic characteristics of the terminology of various areas. Terminology, and in particular, as one of the components of terminology as a whole, makes it possible to reveal the features of a given vocabulary, to determine the specifics of its functioning in a particular area of communication. [12, p. 75].

The expediency of our research is determined by the undoubted importance of linguistic works devoted to the study of the specifics of the functional organization of a specific industry terminology for the further development of theoretical and applied terminology. The topic we have chosen is related to a vitally important, original area of activity for society, which is terminology. The importance of terminological research is determined by the fact that a well-developed, ordered terminology is not only a source of information, but also a means of optimizing professional production and scientific activity, successful mastery of a specialty.

There are different methods and ways to study specialized vocabulary. If the object of the study is the meaning of a term, and the goal is to identify its specific features in several languages, then semantic-comparative analysis will help to accomplish the task.

As has been said, a term is, first of all, a lexical unit, i.e. a special word or phrase. According to the famous Russian Soviet linguist A. A. Reformatsky, a term is a special word that is limited in comparison with its special functions. However, according to G. O. Vinokur, "a term is not a special word, but only a word in a special function." As we can see, in the first definition, a term is interpreted as a special word in the lexical composition of a language, while in the second definition, on the contrary, a term is a word with special functions. That is, although both of these definitions contradict each other, each of them still has its supporters and opponents in linguistics. Further research in the field of terminology and scientific language in the future will prove the advantage of one of these definitions. [13, p. 85].

Thus, a term is a special word, or more precisely, a word with special functions. A term is a word or phrase that has a special semantic scientific connotation, which, within the scope of a certain science, accurately and briefly expresses a specific concept. A term can sometimes lose its terminological meaning in context and be used as an ordinary word. It is important to note that when a word acquires a terminological meaning, all its other meanings are not taken into account.

At present, the problems of terminology and terminology are included in the circle of the most important problems of general linguistics. Everything that is connected with the definition and study of the concept of a term, its improvement and development in language, connects linguistics with other branches of science, with the material and spiritual history of mankind. [14, p. 70].

If we look deeper into the basis of the philosophical definition of the term, then two of its features are revealed:

The first feature is the materiality of the term, meaning that with the help of terms in material form the results of knowledge are fixed.

The second feature is that terms, along with other symbolic means, contribute to the discovery of new knowledge.

The logical definition of the term is also connected with the philosophical definition of the concept of the term, since it has a direct relationship to the concept, i.e. each concept is expressed by means of a term, based on this, the definition of the term is given in the "Logical Dictionary" as follows: "a word or phrase denoting the exact name of a strictly defined concept of science, technology, etc."

The history of each science, including terminology, inevitably includes the history of concepts and terms. In Russian and some other European languages, the word "term" is used. This lexeme was also widely used in scientific and non-scientific Tajik literature of the Soviet period, from the 1930s to the first half of the 1980s, due to the special attitude and attention to the Russian language.

Modern industry terminologies are mostly already formed systems with more or less long periods of existence, which nevertheless does not prevent them from being actively replenished and improved. [15, p. 45].

In the process of developing and improving terminology, specialists from two areas of professional activity take direct part: on the one hand, engineers, economists, and the manufacturers themselves, on the other hand, linguists, people concerned about the state of the national language, of which terminology is a part. Each term must have a clear definition of the reality it designates, representing an accurate and at the same time concise description of an object or phenomenon. Terms are opposed to general vocabulary in that they are associated with a certain scientific concept: the term reflects the results of scientific research and their theoretical understanding.

Terminological vocabulary is that part of the vocabulary of a language which, in connection with scientific and technological progress, develops and expands most intensively and dynamically. Terminology as a system of scientific terms is a subsystem within the general lexical system of a language. There is constant contact between terminology and general literary language. When entering non-specialized linguistic spheres, a term acquires connotations leading to complete determinologization. The process of determinologization is largely determined by the degree of involvement of the general public in the sphere of activity of a particular professional group. Thus, there is a difference between the determinologization of terms from the sphere of electronics and cybernetics, the formation of which took place within the memory of one or two generations of native speakers, and names from terminology systems, the history of which goes back into the distant past and is closely intertwined with the centuries-old history of the development of its language as a whole, with the specifics of the natural, climatic and other conditions of the country. The terminological vocabulary of such industries penetrates so deeply into the commonly used vocabulary that it is often difficult to draw more or less clear boundaries between it and the commonly used vocabulary.

Reviewer: - Egamnazarov Kh. Kh. Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tajik State University of Law, business and policy.

LITERATURE:

1. Amosova N. N. Etymological foundations of the vocabulary of the language. - modern English. - M.: Education, 1956. - 250 p.
2. Apresyan Yu. D. Lexical semantics. - M.: Nauka, 1974. - 367 p.
3. Arakin V. D. Comparative typology of the English and Russian languages. - M.: Vysshaya shkola, 1972. - 370 p.
4. Akhmanova O. S. Essays on general and Russian lexicology. M.: Nauka, 1957. - 290 p.
5. Belchikov Yu. A. Internationalization of terms. - M.: Vysshaya shkola, 1974 - 240 p.
6. Belyaevskaya E. G. Semantics of the word. – M.: Higher School, 1982. – 272 p.
7. Berezen F. M., Golovin B. N. General linguistics - M.: Publishing house "Prosveshchenie", 1989. - 416 p.
8. Baudouin de Courtenay - Selected works on general linguistics. – M.: Zvezda Publishing House, 1969. –125 p.
9. Vinogradov V.V. Grammar of the Russian language. – M.: Higher School, 1972. – 237 p.
10. Volkova I. N. Standardization of scientific and technical terminology. – M.: Publishing house "Enlightenment", 1984. -150 p.
11. Wuster E. Introduction to general terminology. – M.: Publishing house "Prosveshcheniye", 1989. – 416 p.
12. Galkin-Fedoruk E. M. Gorshkov K. V. Modern Russian language. M.: Publishing house "Prosveshcheniye", 1962. - 344 p.
13. Galperin I. R. Stylistics of the English language. – M.: Nauka, 1981. –135 p.
14. Golovin B. N. Linguistic of terms. – M.: V.Sh, 1987 – 103 p.
15. Golovin B. N. Term and word. M.: Publishing house "Prosveshcheniye", 1968. –125 p.
16. Grechko V. A. Synonymy of terms. – M.: Publishing house "Prosveshchenie", 1986. – 240 p.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718410>

ҚАЗАҚ ӨЛЕҢДЕРІНДЕГІ ҰЛТТЫҚ ДҮНИЕТАНЫМ КӨРІНІСТЕРІ

РОМАНОВА РИТА КАРТАЕВНА

Темірбек Жүргенов атындағы қазақ ұлттық өнер академиясы
Қазақ тілі мен әдебиеті пәнінің оқытушысы
Алматы қаласы

Аннотация: В данной статье рассматриваются национальные стихотворение
выражения в казахской поэзии

Ключевые слова: поэзия, стих, жанр, традиция

Annotation: This article examines national forms of poetic expression in Kazakh poetry

Keywords: poetry, verse, genre, tradition

Қазақ әдебиеттануында өзіндік орны бар білікті ғалым М. Базарбаевтың сан салалы ғылыми еңбегінің бір парасы-қазақ поэзиясының ұлттық дәстүрін зерттеу болып табылады. Ғалым «Өлең – сөздің патшасы, сөз-сарасы»(1992), «Көрікті ойдан – көркем сөз»(1994) еңбектері- қазақ әдебиетінің ұлттық сипатын танытатын негізгі белгілерінің бірі ұлттық дәстүрді зерттеумен құнды дүниелер[9]. Ғалымның келтірген деректеріне сүйене отырып біз де зерттеу жұмысымызда қазақ поэзиясының бастау көзі Абай шығармаларын тақырып тұрғысынан талдап көрсетейік: Абайда қыздың сыртқы сұлулығын, кескін-келбетін мүсіндеуге арналған екі өлең бар. Оның біріншісі-«Қақтаған ақ күмістей ақ маңдайлы», екіншісі- «Білектей арқасында өрген бұрым». Осы екі өлеңде де ақынның мәселен, көз сұлулығына деген көзқарасы, қарым-қатынасы тұрақтылығымен ерекшеленеді. Мысалы бірінші өлеңде «аласы аз қара көзі нұр жайнайды» делінсе, екінші өлеңде «аласы аз қара көзі айнадайын» деп берілген. Халық түсінігінде, ұғымында көздің басқа да атаулары, мысалы қой көз, қара көз, бота көз деген бар болғанымен ақын аласы аз қара көзді әдейі таңдап отыр. Халық ауыз әдебиеті үлгілерінде бота көз деген тіркес көбірек кездессе де Абайдың одан өзгешелеу өзіндік эстетикалық жүйе қалыптастыруға бағытталып алған аласы аз қара көз қолданысы жанымызға жақын естіледі, қабылдауымызға жеңіл тиеді. Өйткені бәріміз де осы көздіміз, осындай көзді жақсы көреміз.

«Білектей арқасында өрген бұрым» өлеңі [12,87] қазақ қызының табиғи әрі дәстүрлі келбетінің жиынтық келбеті:

**Білектей арқасында өрген бұрым,
Шолпысы сылдыр қағып жүрсе ақырын.
Кәмшат бөрік, ақ тамақ, қара қасты
Сұлу қыздың көріп пе ең мұндай түрін?
Аласа аз, қара көзі айнадай
Жүрекке ыстық тиіп салған сайын,
Үлбіреген ақ етті, ашаң жүзді,
Тісі әдемі көріп пе ен қыздың жайын?
Бұраң бел, бойы сұлу, кішкене аяқ,
Болады осындай қыз некен –саяқ.
Піскен алма секілді тәтті қызды
Боламын да тұрамын көргендей-ақ.
Егер де қолың тисе білегіне,
Лүпілдеп қан соғады жүрегіңе.
Бетінді таяп барсаң тамағына,
Шымырлап бу енеді сүйегіңе.**

Өлеңдегі асты сызылып тұрған сөздер - қазақ дүниетанымындағы қыз баланың сұлулығына берілген баға.

Поэзияның ұлттық сипаты мен мінезін символдық бейнелерден тыс әңгімелеудің дұрыс болмайтыны себебі, символдың образдар жүйесінде ұлттың бірнеше ғасырлар бойына қалыптасқан наным-сенімдері, ой-қиялы, сезім сырлары, арманы т.б. тұтастай көрінеді.

Қазақ поэзиясының арғы-бергі тарихындағы символдық образдар қатарына дала, тау, теңіз, тұлпар, домбыра, бесік т.б. жатады

Бейнелі сөздер- жалпы алғанда әдебиетке бір суреткердің не әдебиеттің бүтін бір дәуірінің қосқан үлесі емес, халықтың сан ғасырлар бойындағы тұрмыс-тіршілігінің, әдеп-ғұрыптарының негізінде туып, ұлттық санаға әбден сіңісті болған, ұлттың психологиясы мен ойлау жүйесіне сай келетін көркем мазмұн. Бейнелі сөздер көркем мазмұн ретінде белгілі бір суреткердің шығармашылығын не бүтін бір дәуірдің туындыларынғана емес әдебиетіміздің тарихын тұтас қамтитын барынша ұлттық категория болып саналатындықтан, әдебиеттің ең басты белгісі-ұлттық сипатын бәрінен бұрын танытады. Өйткені белгілі бір халықтың көркем әдебиеті басқалардың әдебиетінен, ең алдымен, өзінің образдар жүйесімен., сөз бейнелеу тәсілдерімен ерекшеленеді. «Әдебиеттегі образдар жүйесі мен бейнелеу тәсілдері-ұлттық характердің ең басты көрсеткіштері. Бұларсыз ешбір ұлт әдебиеті өмір сүре алмайды. Көркем әдебиет үшін әсіресе ұлттық тәсілдің маңызы зор. Құрылыс материалы жоқ жерде әдебиет те жоқ.

Демек, тіл-әдебиеттің құрылыс материалы, ол-әдебиет өсіп-өнетін топырақ, ол-әдебиет тыныстайтын ауа» (Қоңыров).

Әдебиетіміздегі бейнелі сөздер тіліміздегі тұрақты сөз тіркестері сияқты басқа ұлт тіліне аударылмайды, аударылған жағдайда толық мағынасын сақтауы, беруі өте қиын. Ғалым М. Базарбаев чуокот жазушысы Юрий Ратхэудің ақ қағазды жастанып қабырға газетін шығарып жатқан адамдарды сенге шығып, теңкиіп-теңкиіп қалған тюлендерге теңегенін жазған[9, 56]. Құбылысты, бейнені тюлен арқылы көрсету мәселен қпзпқ әдебиетінде жоқ. Сондай-ақ, М. Базарбаев орыс поэзиясында емен алып күштің, қайың тазалықтың, тал шыбық нәзіктіктің баламасы түрінде келетіні дәстүрге айналған деп көрсетеді. Ұлы ақын Абайдың «адасқан күшік секілді ұлып жұртқа қайтқан ой» дегеніндегі бейне мен бейнеліліктің мәңгілік ғұмыры өлең жодарындағы ұлттық сипатымен өлшенеді.. Өлеңдегі күшік жай күшік емес бірнеше сөздер, яки күрделі айқындаулар(эпитет) арқылы жасалған, адасып, ұлып жұртқа қайтқан күшік және ой сергелдеңіне, тұңғыыққа баланып секілді сөз арқылы жасалып тұрған теңеулік бейне. Ұлттық өрнектерді ұлттық мінез бен әдеби бейнелер жүйесінен іздеуіміз орынды.

Тау бейнесі-биіктік, теңіз бейнесі –терендік, дала бейнесі- кеңдік ұғымдарымен қатар алынып қарастырылады.

Өлең өнеріміздің бейнелілік (образдық) жүйесі-барынша ұлттық сипатты, «ұлттық паспортпен» (М. Базарбаев) бірдей, әдебиет тарихын тұтас қамтитын, дәстүрлі сөз кестесі. Бейнелі сөздер аоқылы қазақ халқына тән барша қасиет, табиғат, өмір, қоғамдық танымдары, тұрмыс-салт, әдеп-ғұрып, ұлттық ойлау мен сезім, мінез-бәрі-бәрі ұсынылады.

Ұлттық поэзияда дала бейнесі назардан тыс қалмаған. Қазақ даласының бүкіл сипаты сол өлеңдердің бойынан көрінеді. С.Мәуленов даланы дара алмай, ондағы ауа, жел, ай т.б. бір-бірімен байланыста, тұтастықта суреттейді: «Тыныш еді у-шусыз дала қандай, // Құйылады кеудеге ауа балдай. // Күміс ай сәулесімен күлімдетіп, // Дала желі шашымды тарағандай». Мұнда да лирикалық кейіпкер қиялы сезіммен қатар өріледі. Дала бейнесі жанға жайлы, тыныш қалыпта танылады[14]. Ақын К.Салықов «Дала дидары» өлеңінде табиғаттың бір сәткі көрінісін емес, даламыздың әр жыл мезгілін, түні, күні, жұлдызын, көлі мен тауын, тұлпарлары мен сұңқарларын т.б. мақтаныш сезімімен келісті де әсерлі елестетеді. Ақын Ф.Оңғарсынова даланың қолайсыз кзеңін былай суреттейді: «Қарсыз дала. Ызғырық. // Қара суық. Қатқақ жер. // Жүргізбейді түзде ұлып // Маңдайыңнан жасқап жел». Автор алдымен баяндау әдісі арқылы дала сипатын танытса, кейінгі тармақтарда оны дәлелдей түседі. Келесі өлеңінде дала бейнесі өзен, талдарымен, адамдарымен тұтас бейнеленеді. Ақын

К.Салықовтың «Дала дидары» өлеңімен ұқсас келеді: «Біздің мынау даланы-ай // Өзен, өріс жағалай, талдары да – қарағай; // Дала біткен ағадай...» Лирикалық кейіпкер көңілінен мақтаныш сезімі еседі. Дала бейнесі Т.Айбергеновтың бірнеше өлеңдерінен көрінеді. «Дала», «Далада» «Дала кешіндегі көрінісі» т.б. «Далада» өлеңінде лирикалық кейіпкер – табиғатқа сүйсінуші, одан сыр аулаушы, қызыға бақылаушы: «Айна көл тұнып тұрған шарадағы, // Қымызды көз алдыға келтіреді, // Ұялшақ сәби талдың жағадағы // етегін гулеп ойнап жел түреді» [15]. Ұлттық сипатта бейнеленген табиғат суреті әрі лирикалық кейіпкер қиялымен қатар өріледі. Ақын Д.Қанатбаев өлеңдерінде дала бейнесі жазық, батыргөй дала сипатында танылса, енді бір өлеңінде «Дала жонын жел ысқылады»,

Ақын М.Мақатаевтың қыс мезгіліне қатысты «Қар жауып тұр» және «Қыстауда» деген өлеңдері бар. Алғашқысында автор қыстың басталуын, яғни алғашқы қарды жырлайды: «Жәйімен жапалақтап қар жауып тұр, Үлгермей қалдық-ау деп қамданып бір». Осы үзіндіде табиғат көрінісі мен лирикалық кейіпкердің ішкі сезімі қатар берілген. Келесі шумақтарда «Қыс қытымыр», «Жайлы емес далаға онша», «Малшыларға қиын-ау дара қонса» дегенде де лирикалық кейіпкердің ішкі ойы егіз өріледі. Екінші бір «Қыстауда» өлеңінде лирикалық кейіпкер қабылдауына сай қыс бар қатаңдығымен көрінеді:

«Қораны да , үйді де, өрісті де,
Түтеп жатыр ақ түтек тегіс, міне.
Сұп-сұр аспан сұрланып ойран салып,
Бар қаһарын шашуда жер үстіне».

Бір шумақ үзіндіде автордың қысты суреттеу шеберлігі жатыр. Абай дәстүрін жалғастырушы ақын М.Мақатаев қысты тірі адам бейнесінде елестетеді. Бірде түтеп жатса, бірде сұрланып, ойран салып, қаһарын шашу арқылы қыс қатаңдығын жайып салады[16]. Ақын Т. Айбергенов «Қыс» деген бір шумақ өлеңінде қысты көзілдірік киген ғалымға ұқсатады:

«Шебер қыс көлді ұқсатып бір ғалымға,
Көзіне іліп кетті көзілдірік».

Лирикалық кейіпкер қыс көрінісіне сүйсіне отырып, келісті көріністі бақылаушы көзімен танытады. Келесі өлеңде де лирикалық «мен» сезімі қиялмен қанаттанады:

«Дала жатыр күйсеп күртік малтасын,
Тау да жатыр аяз жалап малтасын,
Дірілдейді қырықтық тиген қозыдай,
Көгілдір тас, көк еркесі,марқа шың».

Ұлттық сипатта,ұлттық бояумен жазылған өлең оқыған адамның сезімін дір еткізері анық. Үзіндідегі малтаны жалау, қойды қырқу, марқа қолданыстары ауыл адамына жақсы таныс болса, сол танысты ақын табиғатқа қатысты қолданып,әсерлі суреттер туғызған.

Ақын М. Айтқожина қаламынан шыққан қыс бейнесі де өмірмен қоян-қолтық суреттеледі. Мысалы:

«Шапан киіп ақ қардан шыршалары,
Қорықты ма аяздан қымтанады.
Бәйгі қосып, бәстесіп біраз бала,
Бірінен-бірі оздырып жүр шананы».

Ақын өлеңіндегі лирикалық кейіпкер- қыс суретін қызықтаушы. Өлеңде қыс мезгілі көңілді, қызықты танылып, адам мен табиғат бірлікте, тұтастықта бейнеленеді.

Оразақын Асқардың табиғатқа арналған туындылары ұлттық өрнекпен кестеленіп, заман, уақыт тынысын танытатын айшықтармен қоса көмкерілген. Мысалы: «Гүлден көйлек, шыршадан **камзол** киді // Сансыз меруерт-маржанын жылтылдатып», «Танысып киіз

үйлермен, // Сапыртып қымыз іштің бе», «Ақындай ашпақ болған келін бетін, // Агроном қол соады құбағысқа», «Экран – айдын лезде мың құбылады», «Жүр едім әрқайсысын қарап еппен, // Түскендей жаңа ғана самолеттен», «Әкел бері, қайда әлгі дүрбі дедік», «Отырғандай бейне бір кино көріп», «Көкте лайнер көсілтіп, // Қарап келем таңдана. // Ақ көбігін көпіртіп, // Жер жатқандай ваннада», «Жанасып комбайнға машиналар, // Ілесіп кезек-кезек дән емеді».

Оразақын Асқардың табиғат лирикасын сөз еткенде, алдымен оның келісті сурет жасау шеберлігін, тілінің байлығын, терең білімділігін, байқағыштығын, өлеңінің жеңіл ырғаққа негізделгенін атаған жөн.

Мұнда сезім мен ақындық шеберліктің қатар жүруі басты. Ол әр ақында түрліше деңгейде көрінеді. Сондай терең сезім ақыны әрі шебер суреткер ақындарымыздың бірі – Төлеген Айбергенов. Осы орайда Т.Айбергенов жайындағы Ф.Оңғарсынова пікірі де құптарлық: «Ақын - өзінің ешкімге ұқсамайтындығымен ақын. Төлеген қазақ поэзиясына жаңа ырғақ, тегеурінді екпін, жанына тыным бермеген ағыл-тегіл сезімінің иірімдерін әкелді. Поэзия әлемін тосыннан дүбірлетіп, атой салып оята келді, поэзияның өрлеу жылдамдығын тездетті».

Сөзімді қорытындылай келе, әр ақын табиғатты әр қырынан жырлайтынын, бірі асау, долы кезін, бірі мейірімді, шуақты сәттерін жырға қосатынын ескерсек, Т.Айбергенов шығармаларында қыс та, көктем де, көл де, дала да көңілді суреттеледі. Ол нені суреттесе де, өзіне тән үнмен, шабытпен жырлайды. Мәселен, «Далада» өлеңінде С.Сейфуллин жүрген – құрық тимеген асауды далада ұстап мінгендігін сипаттаса, Т.Айбергенов даланың тамаша көрінісін былай бейнелейді:

Айнакөл тұнып тұрған шарадағы
Қымызды көз алдыңа келтіреді.
Ұялшақ сәби талдың жағадағы,
Етегін гулеп ойнап жел түреді.
Ну қамыс жарыса өскен шулап күліп,
Қайтадан түрегелді сұлап барып.
Толқыны жардан құлап, аунап барып,
Сұқылдап жатыр бұлақ сыр ақтарып.

Ақын дала көрінісін қиялға қанат бітіре, ерекше сезіммен, жандандыра суреттейді. Айнакөлді шарадағы қымызға ұқсатуы, ұялшақ сәби талдың етегі болуы, әрі оны желдің түруі, қамыстың шулап күлуі, сұлап барып түрегелуі, бұлақтың сұңқылдап сыр ақтаруы – бәрі сурет нақтылығын, аз сөзге көп мән сыйғызуын жайып салумен қатар ақын шеберлігінің де айнасы.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ:

1. Абай. Қалың елім қазағым. Алматы, «Атамұра», 2002 ж.
2. Байтұрсынов А. Шығармалары. – Алматы, «Жалын», 1991 ж.
3. Ахметов З. Қазақ әдебиетінің қазіргі дамуы мен дәстүрі.-Алматы, 1978ж.
4. Қуандық Ж. Қазақ лирикасындағы стиль және бейнелілік “ЭКО” ҒӨФ, 2007 ж.,442 б.
5. Сөз өнерінің сырлары. Әдебиеттану. Кұраст.: Ә. Дайыров т.б. Алматы, 2003 ж.
6. Ахметов З. Өлең сөздің теориясы. – Алматы, 1973ж.
7. Базарбаев М. Өлең- сөздің патшасы, сөз-сарасы. Алматы, 1992.
8. Базарбаев М. Көрікті ойдан- көркем сөз. Алматы, 1994.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718421>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕЖДУ ТАДЖИКСКИМ, АНГЛИЙСКИМ И КИТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ

ШАМСУЛОЕВА МЕХРОНА ЗИКИРЛОЕВНА

Учитель кафедры теории и типологии английского языка Бохтарского
государственного университета имени Носири Хусрава.

Аннотация: В статье рассматриваются семантические и культурные проблемы перевода между таджикским, английским и китайским языками. Автор подчеркивает, что перевод — это не просто передача смысла, а сложный процесс взаимодействия различных культур и ментальных систем. Исследование анализирует теоретические основы семантики перевода, лексико-грамматические и культурные различия, а также стратегии их преодоления. Особое внимание уделяется трудностям передачи реалий, идиом и эмоционально окрашенных выражений. Делается вывод, что успешный перевод требует не буквального соответствия, а культурной интерпретации и творческого подхода. Переводчик выступает как посредник между культурами, обеспечивая смысловую и эмоциональную эквивалентность текста.

Ключевые слова: перевод, семантика, культура, межъязыковое взаимодействие, адаптация, межкультурная коммуникация, эквивалентность

Перевод — это не просто процесс передачи смысла текста с одного языка на другой; это сложное взаимодействие культур, менталитетов и семиотических систем. В условиях глобализации и межкультурной коммуникации перевод приобретает особую значимость, выступая посредником между различными картинами мира.

Современная теория перевода рассматривает язык не только как средство общения, но и как носитель культурных кодов, отражающих уникальные особенности национального мышления. Именно поэтому перевод между языками, принадлежащими к разным языковым и культурным традициям — например, таджикским (индоевропейская группа), английским (германская группа) и китайским (синитская группа) — сопровождается целым рядом семантических и культурных трудностей.

Особенно сложными являются случаи перевода лексических единиц без прямых эквивалентов, идиом и пословиц, а также реалий, которые не имеют аналогов в другой культуре. Например, китайское выражение “关系” (*гуаньси*) трудно передать одним словом в таджикском или английском языках, поскольку оно сочетает в себе понятия «связи», «взаимоотношения» и «социальный капитал» (5, с. 12).

Цель данной статьи — проанализировать семантические и культурные проблемы перевода между таджикским, английским и китайским языками, выявить типичные трудности, а также рассмотреть стратегии их преодоления.

Задачи исследования включают:

1. Определить теоретические основы понятия «семантика перевода» и «культурная адаптация».
2. Рассмотреть основные различия между тремя языками на уровне лексики и культуры.
3. Провести сравнительный анализ примеров из художественной литературы, официальных текстов и повседневной речи.
4. Предложить возможные решения для адекватной передачи смыслов при переводе.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом к межкультурной коммуникации, расширением международных контактов и необходимостью подготовки профессиональных переводчиков, способных не только передавать смысл, но и сохранять культурную специфику оригинала (1, с. 4).

Теоретические основы перевода и семантических различий:

Теория перевода на протяжении многих десятилетий формировалась на стыке лингвистики, философии и культурологии. Согласно классическим представлениям (Найда, 1964; Комиссаров, 1990), перевод — это процесс воссоздания содержания и формы оригинала средствами другого языка при сохранении функционального и эмоционального воздействия (2, с. 15).

Однако, как отмечают современные исследователи, семантическая эквивалентность между языками — это не абсолютное, а относительное понятие (3, с. 22). Любой язык представляет собой уникальную систему понятий, отражающих особенности восприятия мира носителями данной культуры. Поэтому при переводе между различными языковыми семьями, особенно такими отдалёнными, как индоевропейская (таджикский, английский) и сино-тибетская (китайский), переводчик сталкивается не только с лексическими, но и с когнитивными и культурными расхождениями.

Например, в таджикском языке слово *дил* («сердце») имеет богатую семантическую палитру — оно обозначает не только физиологический орган, но и центр чувств, эмоций и духовности. В английском языке аналогом служит слово *heart*, но в китайском «心» (*синь*) объединяет не только эмоциональные, но и мыслительные функции, что усложняет поиск эквивалента при переводе (6, с. 31).

Такие различия требуют от переводчика не буквального переноса слов, а интерпретации смысла, основанной на контексте и культурных ассоциациях. В лингвистике это явление описывается как динамическая эквивалентность — термин, предложенный Юджином Найдой, который подчеркивал, что цель перевода состоит не в совпадении слов, а в эквивалентном воздействии на читателя (4, с. 18).

В то же время семантические расхождения проявляются не только в отдельных словах, но и в структуре предложения. Английский язык, как правило, выражает значения аналитически (через порядок слов и вспомогательные слова), таджикский — синтетически (посредством аффиксов), а китайский — изолирующе, где смысл передается в основном порядком слов и контекстом (7, с. 26). Эти различия обуславливают необходимость не только лексического, но и синтаксического пересоздания текста при переводе.

Кроме того, при анализе семантических различий важно учитывать культурно-национальную специфику фразеологии. Например, таджикское выражение *ба дил гузарондан* («думать, размышлять») буквально невозможно передать на китайском или английском без потери внутренней метафоры, связанной с «дил» как носителем мыслей. В китайском языке для этого используется выражение *想一想* (*сян и сян* — «немного подумать»), а в английском — *to think over* («обдумать»), что иллюстрирует культурное перераспределение семантических ролей (8, с. 29).

Таким образом, можно заключить, что семантические различия между таджикским, английским и китайским языками носят не только структурный, но и ментально-культурный характер. Именно это делает задачу переводчика не механической, а творческой, требующей не просто знания слов, а глубокого понимания национальных моделей мышления.

Культурные аспекты перевода между таджикским, английским и китайским языками:

Культура является неотъемлемой составляющей любого языка. Как отмечал Эдвард Сепир, «язык — это не просто инструмент общения, но и символическая система, формирующая восприятие мира» (9, с. 9). Поэтому при переводе между культурами переводчик сталкивается не только с задачей передачи смысла, но и с необходимостью трансляции культурного контекста, в котором этот смысл был рожден.

Перевод между таджикским, английским и китайским языками особенно интересен тем, что каждая из этих культур обладает собственной концептуальной системой, основанной на различных философских традициях.

- Таджикская культура, опирающаяся на персидско-исламское наследие, характеризуется образностью, поэтичностью и эмоциональной насыщенностью речи.

- Англосаксонская культура стремится к рациональности, логичности и ясности выражения.

- Китайская культура, в свою очередь, основывается на принципах конфуцианства и даосизма, где важную роль играет гармония, иносказание и уважение к контексту (10, с. 17).

Эти различия проявляются уже на уровне реалий — слов и выражений, обозначающих предметы, явления или обычаи, присущие только одной культуре. Например, таджикское слово *нагма* обозначает особый вид народного пения, не имеющий прямого аналога ни в английском, ни в китайском языках. Аналогично, китайское понятие *чай-дао* (ча дао — «путь чая») выражает философскую традицию, в то время как в таджикском и английском языках эта концепция отсутствует (11, с. 22).

Для перевода подобных реалий переводчики обычно используют одну из трёх стратегий:

1. Транслитерация — передача звучания оригинального слова без перевода (например, *чайная церемония* — ча дао).

2. Калькирование — буквальный перевод компонентов слова (*tea ceremony*).

3. Культурная адаптация — замена на аналог, понятный читателю другой культуры (*национальный обряд чаяпития*) (12, с. 24).

Особое внимание заслуживает перевод пословиц и идиом, поскольку они несут в себе концентрированный культурный опыт. Например, таджикская пословица *Об аз сар мегардад* («всё начинается с головы») в английском может быть передана как *A fish rots from the head down*, тогда как в китайском языке эквивалентом будет *上梁不正下梁歪* (*Если верхняя балка кривая, нижняя тоже искривится*) (13, с. 28). Здесь наблюдается не просто перевод, а поиск функционально эквивалентного образа, способного вызвать у читателя аналогичное культурное впечатление.

Ещё одна проблема — перевод эмоционально окрашенных слов. В таджикской речи выражения типа *дили нарм*, *руҳи пок* имеют не только лексическое, но и духовное значение. При переводе на английский (*kind heart*, *pure soul*) сохраняется общий смысл, но теряется часть культурно-религиозной коннотации. В китайском переводе же (*善心*, *纯洁的灵魂*) добавляется философско-этический оттенок, связанный с конфуцианским пониманием добродетели (14, с. 32).

Таким образом, можно заключить, что культурные различия существенно влияют на выбор переводческих стратегий. Переводчик становится не только посредником между языками, но и интерпретатором культур, который должен передать не только слова, но и внутренний дух текста. Как отмечает Лотман, «перевод — это всегда пересечение двух культурных пространств» (15, с. 11).

Сравнение таджикского, английского и китайского языков на уровне лексики и структуры:

Сравнительный анализ трёх языков — таджикского, английского и китайского — позволяет выявить глубинные различия не только в их грамматических и лексических системах, но и в способах отражения реальности. Каждый из этих языков представляет собой отдельную модель мира, где грамматика и лексика формируют уникальные когнитивные категории (16, с. 20).

Лексическая система и многозначность:

В таджикском языке, происходящем из иранской ветви индоевропейской семьи, характерна высокая степень полисемии — многозначности слов. Одно слово может охватывать широкий диапазон смыслов в зависимости от контекста. Например, *дил* может означать «сердце», «душу», «желание» или «мужество». В английском языке каждое из этих понятий чаще всего выражается отдельным словом (*heart*, *soul*, *desire*, *courage*), что демонстрирует тенденцию к лексической специализации (17, с. 27).

В китайском же языке наблюдается иная закономерность — слова часто кратки и изолированы, а их смысл уточняется контекстом и тонами. Например, иероглиф 心 (*синь*) может означать и «сердце», и «разум», и «намерение» в зависимости от сочетания (например,

开心 — «радость», 用心 — «усердие»). Это создаёт определённые трудности при переводе, поскольку в таджикском и английском языках отсутствует столь высокая степень контекстуальной гибкости (18, с. 31).

Грамматическая структура:

Грамматические системы трёх языков отражают их историческое развитие и типологические различия.

- Таджикский язык — синтетический: значения выражаются при помощи окончаний, аффиксов и внутренней флексии (*рафтам — я пошёл*).

- Английский язык — аналитический: грамматические отношения в основном выражаются порядком слов и служебными словами (*I went*).

- Китайский язык — изолирующий: не имеет флексий, а смысл определяется строгим порядком слов и контекстом (*我去了 — я пошёл*).

Эти различия приводят к тому, что при переводе необходимо не просто заменять слова, а перестраивать синтаксис для сохранения логики высказывания (19, с. 25). Например, таджикское предложение *ӯ китобро хонда буд* требует при переводе на английский (*He had read the book*) добавления вспомогательного глагола *had*, которого нет в таджикском. В китайском же варианте (*他已经读了书*) добавляется наречие *已经* («уже»), выполняющее функцию временного указателя.

Идиоматика и образность:

Таджикская идиоматика опирается на метафоричность и эмоциональную выразительность. Примеры вроде *аз дили касе гузаиштан* («вспомнить кого-то с теплотой») почти не имеют прямых эквивалентов в английском или китайском. В английском аналогом может быть *to cross someone's mind*, но эмоциональный подтекст там значительно слабее (20, с. 29).

Китайские идиомы (成语 *чэньюй*) обладают уникальной структурой — это устойчивые выражения, часто из четырёх иероглифов, которые передают глубокие культурные аллюзии. Например, *画蛇添足* («рисовать змею и добавить ноги») означает «сделать лишнее» — идея, не имеющая точного эквивалента в таджикской или английской фразеологии (21, с. 35).

Семантическая компрессия и экспансия:

Перевод между тремя языками требует также учёта явлений компрессии (сжатия) и экспансии (расширения смысла). Например, китайская фраза *请慢用* буквально означает «пожалуйста, ешьте медленно», но культурно выражает пожелание приятного аппетита. При переводе на таджикский язык это превращается в *Бон апетит ё Иштиҳои хуш*, что уже является адаптацией смысла (22, с. 40). Английское *Take care!* при переводе на таджикский (*Худро эҳтиёт кун!*) или китайский (*保重*!) демонстрирует обратное — сжатие эмоционального значения.

Таким образом, различия в структуре и лексике трёх языков обусловлены не только их типологическими особенностями, но и культурной спецификой. Для переводчика это означает необходимость контекстуального мышления, способности видеть за словами — смыслы, а за грамматикой — культуру.

Анализ примеров из литературы, официальных текстов и повседневной речи:

Для выявления практических проявлений семантических и культурных различий между таджикским, английским и китайским языками целесообразно рассмотреть конкретные примеры из трёх сфер коммуникации: художественной литературы, официальных текстов и повседневной речи. Такой подход позволяет наглядно показать, как теоретические различия реализуются в реальных ситуациях перевода (23, с. 18).

Примеры из художественной литературы:

Художественный текст — это не только форма эстетического выражения, но и отражение национального мировоззрения. Перевод литературных произведений требует не столько точности, сколько сохранения поэтического духа и эмоционального ритма оригинала.

Например, в поэзии Рӯдакии бузург во фразе «*Ҳар кӣ н-омӯхт аз гузашти рӯзгор, низ н-омӯзад зи ҳеҷ омӯзгор*» важен не только смысл, но и философская интонация, основанная на ритме и созвучии. В английском переводе (*He who learns not from the passage of time will learn from no teacher*) теряется рифма, но сохраняется логический смысл. В китайском переводе (不从岁月学的人, 也不会从老师学到什么) добавляется оттенок морали, свойственный китайскому стилю (24, с. 21).

Другой пример можно привести из Шекспира. Фраза “*Brevity is the soul of wit*” в таджикском варианте часто передаётся как *Кӯтоҳгӯӣ ҷонест аз ҳикмат*, что сохраняет образность. Однако при переводе на китайский (简洁是智慧的灵魂) смысл остаётся, но исчезает метафорическая глубина, поскольку слово 灵魂 («душа») в китайской культуре имеет иной философский оттенок, ближе к «духу» (25, с. 26).

Таким образом, перевод художественных текстов между этими языками требует баланса между формой и содержанием, а также понимания эстетических норм каждой культуры.

Примеры из официальных текстов:

В официальных документах и дипломатических речах основной проблемой является различие в стиле и уровне формальности.

Так, в таджикских официальных обращениях часто используется выражение *бо эҳтироми зиёд* — вежливая формула с эмоционально-почтительным оттенком. В английских текстах аналогом служит нейтральное *with respect* или *sincerely yours*, где эмоциональный компонент практически отсутствует. В китайском же языке используется выражение 此致敬礼 (*tsychжи цзинли* — «выражаю почтение»), которое по стилю ближе к таджикскому варианту (26, с. 30).

Интересен также пример с переводом государственных лозунгов. Таджикское “*Ваҳдати миллӣ — пояи давлат*” в английском переводе звучит как “*National unity is the foundation of the state*”, что передает логический смысл, но утрачивает эмоциональную выразительность. В китайском варианте “*民族团结是国家的基石*” сохраняется как логика, так и торжественность формулировки, характерная для восточных стилей речи (27, с. 33).

Таким образом, при переводе официальных текстов переводчик должен учитывать не только точность, но и тональность — уровень уважительности, эмоциональности и политической корректности.

Примеры из повседневной речи

В обыденной коммуникации различия проявляются ещё ярче, поскольку разговорная речь тесно связана с культурными привычками и социальной этикой.

Например, таджикское обращение *ҷон* (в значении «дорогой», «любимый») используется как знак близости и уважения: *бародарҷон, дӯстҷон*. В английском языке аналогичное обращение передаётся словами *dear* или *buddy*, но без духовного оттенка, а в китайском 亲爱的 (*цин аиде* — «дорогой») сохраняет эмоциональную теплоту, хотя употребляется реже и формальнее (28, с. 38).

Другая особенность — способ выражения благодарности. В таджикской речи часто говорят *Саломат бошед!* (буквально: «Будьте здоровы!») как ответ на помощь или услугу. В английском это переводится просто как *Thank you*, а в китайском — 谢谢. Однако таджикское выражение несёт пожелательный смысл, тогда как английское и китайское ограничены констатацией факта благодарности (29, с. 40).

Кроме того, в китайской культуре существует множество форм вежливого отказа, например, *下次吧* («в следующий раз»), тогда как в таджикском и английском прямое «не могу» считается допустимым. Это отражает разницу между индивидуалистической моделью общения (английская культура) и коллективистской (китайская) (30, с. 45).

В результате анализа можно сделать вывод, что переводчик при работе с тремя языками должен не просто знать лексику и грамматику, а понимать социально-культурные механизмы

общения. Только тогда возможен адекватный перевод, который будет понят и принят читателем другой культуры.

Основные трудности и стратегии перевода между таджикским, английским и китайским языками:

Процесс перевода между таджикским, английским и китайским языками сопровождается рядом специфических трудностей, связанных с различиями в их языковой структуре, семантических системах и культурных контекстах. Эти трудности можно условно разделить на три группы: лексико-семантические, грамматические и культурно-прагматические (31, с. 12).

Лексико-семантические трудности:

Они возникают при переводе слов, не имеющих прямых эквивалентов в другом языке. Например, таджикские слова *дил*, *назма*, *мехр* имеют более широкие смысловые поля, чем их английские аналоги *heart*, *melody*, *love*. В китайском языке эквиваленты 心 (*синь*), 曲 (*цюй*), 爱 (*ай*) выражают иные культурные оттенки, что делает перевод многослойным (32, с. 18).

Для преодоления этих трудностей применяется стратегия семантической модуляции — передача смысла через аналог, близкий по функции или контексту. Например, *дили нарм* можно передать как *kind-hearted* (англ.) или 善良的心 (кит.) с частичной адаптацией значения.

Грамматические трудности:

Переводчик сталкивается с необходимостью синтаксической перестройки предложений, особенно при переходе между синтетическими (таджикский) и изолирующими (китайский) языками.

Например, таджикское *Ўмаро дид ва хандид* буквально переводится как *He saw me and laughed* (англ.) и 他看见我就笑了 (кит.), где добавляется частица 就 для передачи причинно-временной связи.

Решением является использование функционального синтаксического эквивалента — то есть, сохранение логических связей, а не структуры.

Культурно-прагматические трудности:

Культурные различия особенно заметны при переводе фразеологизмов, пословиц и реалий. Например, таджикское *дари дили касе кушодан* («завоевать доверие») имеет в английском аналог *to win one's heart*, а в китайском — 打开某人的心/门 (букв. «открыть двери сердца»). Несмотря на сходство метафоры, культурная нагрузка различается: в таджикском выражении присутствует духовно-нравственный компонент, тогда как в китайском — философско-эмоциональный (33, с. 22).

Для преодоления подобных проблем используется стратегия культурной адаптации — замена выражения аналогом, который вызывает у читателя схожие ассоциации. Иногда применяется комментарий переводчика, если выражение уникально для одной культуры (например, «Наурӯз» или «Гуаньси»).

Универсальные стратегии перевода:

Современная переводческая практика предлагает ряд универсальных подходов:

- Динамическая эквивалентность (Найда) — сохранение эффекта восприятия;
- Компенсация — передача утраченных смыслов в другом месте текста;
- Культурная медиатизация — пояснение реалий через примечания;
- Модульная адаптация — совмещение нескольких приёмов для достижения смысловой точности (34, с. 30).

Таким образом, успешный перевод между таджикским, английским и китайским языками требует не механического соответствия слов, а креативного межкультурного посредничества, где переводчик выступает как интерпретатор смыслов и культурных кодов.

В ходе проведённого исследования выявлено, что семантические и культурные различия между таджикским, английским и китайским языками оказывают значительное влияние на процесс перевода. Каждый из трёх языков обладает уникальной структурой, системой образов

и культурной символикой, что делает задачу переводчика не просто лингвистической, а когнитивно-культурной.

Анализ показал, что:

1. Семантические различия проявляются как на уровне отдельных слов, так и в синтаксических конструкциях.

2. Культурные реалии и идиоматические выражения требуют глубокой интерпретации, а не буквального переноса.

3. Наиболее эффективными стратегиями являются динамическая эквивалентность, культурная адаптация и функциональная перестройка текста.

4. Переводчик выполняет роль культурного медиатора, соединяющего разные цивилизационные системы восприятия мира.

В итоге можно заключить, что совершенствование переводческих стратегий и глубокое изучение культурных контекстов способствуют формированию адекватного и гармоничного межкультурного общения между народами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
2. Nida E. Toward a Science of Translating. — Leiden: Brill, 1964. — 331 p.
3. Сепир Э. Язык и культура. — М.: Прогресс, 1993. — 234 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
5. Хомидов Ф. Забоншиносӣ ва фарҳангшиносӣ. — Душанбе: Дониш, 2015. — 210 с.
6. Bassnett S. Translation Studies. — London: Routledge, 2002. — 176 p.
7. Чжан Лин. Перевод и культурная коммуникация. — Пекин: Foreign Language Press, 2011. — 198 с.
8. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. — London: Routledge, 2018. — 372 p.
9. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. — М.: Академия, 2001. — 192 с.
10. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // Selected Writings. — The Hague: Mouton, 1971. — P. 260–266.
11. Newmark P. A Textbook of Translation. — London: Prentice Hall, 1988. — 292 p.
12. Чжан Вэй. Межкультурные аспекты перевода. — Шанхай: Tongji University Press, 2014. — 185 с.
13. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge: CUP, 2003. — 489 p.
14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 389 с.
15. Фаррухзода Н. Психоллингвистикаи тарҷума. — Душанбе: Адиб, 2018. — 176 с.
16. Venuti L. The Translator's Invisibility. — London: Routledge, 1995. — 368 p.
17. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. — London: Oxford University Press, 1965. — 103 p.
18. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 215 с.
19. Snell-Hornby M. Translation Studies: An Integrated Approach. — Amsterdam: Benjamins, 2006. — 256 p.
20. House J. Translation Quality Assessment. — Tübingen: Narr, 1997. — 263 p.
21. Чжао Ли. Лингвокультурные особенности китайских идиом. — Пекин: Language Press, 2012. — 178 с.
22. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. — Amsterdam: John Benjamins, 1995. — 311 p.
23. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. — London: Longman, 1990. — 253 p.
24. Ли Цзин. Семантика и прагматика в китайском языке. — Пекин: Beijing University Press, 2010. — 201 с.

25. Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. — Oxford: Blackwell, 2006. — 350 p.
26. Гарбузова Л. В. Перевод и межкультурная коммуникация. — М.: Флинта, 2017. — 144 с.
27. Хан Чжоу. Китайская риторика и культурная традиция. — Шанхай: Science Press, 2013. — 208 с.
28. Baker M., Malmkjaer K. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. — London: Routledge, 2009. — 640 p.
29. Бобохонов А. Забон ва фарҳанг: таҳлилҳои муқоисавӣ. — Душанбе: Ирфон, 2020. — 192 с.
30. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. — London: Routledge, 1992. — 236 p.
31. Nord C. Translating as a Purposeful Activity. — Manchester: St. Jerome, 2005. — 148 p.
32. Li X., Chen Yu. Comparative Semantics of Eastern and Western Languages. — Beijing: Cultural Studies Press, 2016. — 224 p.
33. Ниязова Ш. Межъязыковые интерференции в переводе. — Самарканд: Университет, 2019. — 176 с.
34. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. — Heidelberg: Quelle & Meyer, 1997. — 367 p.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718430>

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ШОДИЕВ ДЖАХОНГИР СОЛИДЖОНОВИЧ

Соискатель кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде.

Аннотация: Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу гендерных стереотипов и образа женщины в японских и русских пословицах. Исследование направлено на выявление универсальных и культурно-специфических особенностей репрезентации женской роли в паремиологическом фонде двух лингвокультур. В работе применяются методы контекстуального анализа, семантической интерпретации и сравнительно-сопоставительного подхода. Материалом исследования послужили японские и русские пословицы, отражающие различные аспекты женской идентичности: семейные роли, внешность, характер, мудрость и социальное положение. Анализ показал, что обе культуры демонстрируют амбивалентное отношение к женщине, сочетая признание её значимости в семейной сфере с закреплением патриархальных стереотипов. Полученные результаты вносят вклад в понимание механизмов формирования и трансляции гендерных представлений через паремиологический дискурс.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, образ женщины, японские пословицы, русские пословицы, паремиология, лингвокультурология, сопоставительный анализ.

Пословицы как жанр устного народного творчества представляют собой концентрированное выражение коллективного опыта и мировоззрения этноса. Будучи носителями культурной информации, они транслируют из поколения в поколение систему ценностей, социальные нормы и стереотипные представления о различных аспектах жизни общества. Особый интерес для лингвокультурологического исследования представляет анализ паремий, репрезентирующих гендерные роли и образ женщины, поскольку они отражают глубинные культурные установки относительно места и функций женщины в социальной структуре.

На протяжении последних десятилетий гендерная лингвистика и лингвокультурология активно разрабатывают проблематику языковой репрезентации гендера. Пословичный фонд различных языков признан эффективным материалом для выявления стереотипных представлений о мужчинах и женщинах, закреплённых в языковой картине мира. Паремии функционируют как инструмент социализации, формируя и поддерживая определённые модели гендерного поведения.

Сопоставительный анализ японских и русских пословиц представляет особый научный интерес в силу значительных различий между данными лингвокультурами. Японская культура, сформированная под влиянием конфуцианства, буддизма и синтоизма, выработала специфические представления о женской роли, акцентирующие скромность, покорность и преданность семье. Русская культура, впитавшая христианские ценности и традиции патриархального общества, также создала устойчивый комплекс представлений о женщине как хранительнице домашнего очага, но при этом признающий её силу и волевые качества.

Целью настоящего исследования является выявление сходств и различий в репрезентации образа женщины в японских и русских пословицах, а также определение универсальных и культурно-специфических гендерных стереотипов, закреплённых в паремиологическом фонде двух языков. Рабочая гипотеза заключается в предположении о том, что, несмотря на культурные различия, японские и русские пословицы демонстрируют общие тенденции в изображении женской роли, обусловленные патриархальной структурой

традиционных обществ, однако акценты и оценочные коннотации варьируются в зависимости от культурного контекста.

Материалом исследования послужили японские пословицы (котовадза), извлечённые из специализированных лексикографических источников, в частности, из «Практического нового словаря пословиц» (実用ことわざ新辞典) издательства Такахаси, работ Сайто Такаси, а также электронного словаря «Котобанк» (コトバンク), и русские пословицы, зафиксированные в авторитетных сборниках народной мудрости, включая собрание В.И. Даля «Пословицы русского народа» и работу М.А. Рыбниковой «Русские пословицы и поговорки». В работе применялись методы контекстуального анализа, позволяющего выявить культурные смыслы и коннотации паремий, семантической интерпретации, направленной на раскрытие символических значений образов, и сравнительно-сопоставительного подхода, обеспечивающего возможность выявления межкультурных сходств и различий.

Анализ паремиологического материала показывает, что обе культуры признают особую силу женской привлекательности, способной оказывать значительное воздействие на мужчин. Японская пословица «女の足駄にて造れる笛には秋の鹿寄る» (on'na no ashida nite tsukureru fue ni wa aki no shika yoru) буквально переводится как «флейта, сделанная из женских башмаков, привлекает осенних оленей», что метафорически описывает ситуацию, в которой красота женщины уподобляется звуку флейты, привлекающему оленей. Данная паремия фиксирует представление о женской привлекательности как о силе, способной лишать мужчин рациональности и контроля над собой. Аналогичный мотив обнаруживается в пословице «女の髪の毛には大象も繋がる» (on'na no kami no ke ni wa daizō mo tsunagaru), где женская привлекательность концептуализируется через образ оков, способных удержать даже самого могущественного мужчину, символически представленного образом слона. Метафора цепи подчёркивает не только силу женского влияния, но и его потенциально ограничивающий, даже опасный характер. В русской паремиологической традиции тема женской привлекательности представлена менее эксплицитно, однако также присутствует предостережение относительно женского влияния на мужчин. Акцент делается не столько на физической красоте, сколько на способности женщины манипулировать мужчиной через эмоциональное воздействие.

Стереотип о чрезмерной женской разговорчивости зафиксирован в японской пословице «女三人寄れば姦しい» (on'na sannin yoreba kashimashī), что можно передать русским выражением «бабий базар», хотя прямого эквивалента не существует. Данная паремия отражает представление о склонности женщин к интенсивной коммуникации, которая воспринимается как избыточная и создающая дискомфорт для окружающих. Примечательно, что в пословице фигурирует конкретное число «три», что может указывать на представление о групповом эффекте, усиливающем женскую словоохотливость. Тема эмоциональной изменчивости женщин репрезентирована в пословице «女心と秋の空» (on'nagokoro to aki no sora), где непостоянство женских чувств уподобляется быстрым изменениям осенней погоды. Метафора осеннего неба акцентирует непредсказуемость и капризность женской натуры, что соответствует традиционному стереотипу о женской эмоциональной нестабильности. Русская паремиология содержит аналогичные представления, выраженные в пословице «У женщины семь пятниц на неделе», фиксирующей стереотип о женском непостоянстве в решениях и мнениях. Однако в русской традиции данный стереотип часто сопровождается более снисходительным, даже ироничным отношением, в отличие от японской культуры, где изменчивость женского характера воспринимается более критично.

Паремиологический материал демонстрирует амбивалентное отношение к женскому интеллекту. С одной стороны, признаётся наличие у женщин особой мудрости и интуиции, с другой – эти качества интерпретируются как потенциально опасные для мужчин. Японская пословица «女賢しくて牛売り損なう» (on'na kashikashikute ushi uri sokonau) отражает противоречивое отношение к женской рациональности. Буквально утверждая, что женщина может быть умной, пословица одновременно предостерегает против последствий применения

этого ума в практических делах. Образ продажи коровы, традиционно мужского занятия, символизирует сферу деятельности, в которую женщине не следует вторгаться. Сходная идея выражена в пословице «女の知恵は後へ回る» (on'na no chie wa ato e mawaru), которую можно сопоставить с русским выражением «задним умом крепка», хотя последнее не является специфически женским. Данная паремия имплицитно обесценивает женский интеллект, представляя его как запоздалый и потому бесполезный, закрепляя стереотип о неспособности женщин к своевременному принятию решений и эффективному действию. Пословица «女は三寸先の蛇の巻» (on'na wa sansun saki no hebi no maki) использует образ змеи, традиционно ассоциирующийся с хитростью и опасностью. Способность женщины быть гибкой и предусмотрительной интерпретируется через призму недоверия, как нечто потенциально угрожающее. Русская паремиология также фиксирует представление о женской хитрости, однако с несколько иными коннотациями. Пословица «Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы (жены) уверток» признаёт изобретательность женщины в преодолении жизненных трудностей. Хотя хитрость и рассматривается как характерная черта женщин, она не обязательно оценивается негативно, скорее как необходимое качество для выживания в сложных обстоятельствах.

Японская паремиология содержит эксплицитное указание на социальную незащищённость женщины. Пословица «女は三界に家無し» (on'na wa sangai ni ie nashi) отражает конфуцианскую концепцию женской зависимости на протяжении всей жизни: в детстве – от отца, в замужестве – от мужа, в старости – от сыновей. Данная паремия фиксирует отсутствие у женщины самостоятельного социального статуса и собственной идентичности вне семейных ролей. Тему социальной мобильности женщины через брак затрагивает пословица «女は氏無くて玉の輿に乗る» (on'na wa uji nakute tama no koshi ni noru). Метафора «нефритового паланкина» символизирует роскошь и высокий статус, которые женщина может обрести благодаря удачному замужеству. Данная паремия имплицитно указывает на то, что для женщины брак является главным, если не единственным, каналом социального продвижения. Пословица «婿は座敷から貰え、嫁は庭から貰え» (muko wa zashiki kara morae, uome wa niwa kara morae) эксплицитно выражает принцип гипергамии для женщин и гипогамии для мужчин, закрепляя представление о неравенстве полов в брачных отношениях. Метафорическое противопоставление «гостиной» (座敷) и «двора» (庭) символизирует статусную иерархию. В русской традиции тема социальной уязвимости женщины представлена менее эксплицитно, однако также присутствует в пословицах, подчёркивающих зависимость женского благополучия от наличия мужа и его качеств.

Обе культуры фиксируют представление о временном характере женской красоты и важности внешности для женщины. Японская пословица «立てば芍薬座れば牡丹» (tateba shakuyaku suwareba botan) создаёт идеализированный образ женской красоты через метафору цветения. Однако сама отсылка к цветам имплицитно указывает на мимолётность этой красоты. Пословица «髪の長きは七難隠す» (kami no nagaki wa shichinan kakusu) и её вариант «色の白いは七難隠す» (iro no shiroi wa shichinan kakusu) эксплицитно утверждают, что внешняя привлекательность может компенсировать недостатки характера или другие изъяны. Число «семь» в японской традиции символизирует множественность, таким образом, красота представляется как универсальное средство для преодоления женских недостатков. Тема различного восприятия возраста у мужчин и женщин зафиксирована в пословице «男の年は気、女の年は顔» (otoko no toshi wa ki, on'na no toshi wa kao). Данная паремия отражает гендерную асимметрию в оценке возраста: для мужчины важны внутренние качества и жизненная энергия, для женщины – сохранение физической привлекательности. Русская паремиология также содержит упоминания о связи женской ценности с молодостью и красотой, хотя и признаёт ценность зрелости и жизненного опыта женщины. Пословица «Баба-ягодка опять» ироничным образом указывает на сохранение женской привлекательности и активности в зрелом возрасте.

Тема супружеских отношений широко представлена в паремиологии обеих культур. Японская пословица «一人は食えぬが二人は食える» (hitori kuchi wa kuenu ga futari kuchi wa kueru) подчёркивает экономическую целесообразность брака и взаимодополняемость супругов в обеспечении жизни семьи, что перекликается с русской пословицей «Вместе и беда не беда». Пословица «夫婦喧嘩は犬も食わぬ» (fūfu kenka wa inu mo kuwanu) отражает представление о приватности семейных конфликтов и их временном характере. Метафора «даже собака не тронет» указывает на незначительность и быстротечность супружеских размолвок. Тему любви и преданности затрагивает пословица «惚れて通えば千里も一里» (horete tōeba senri mo ichiri), которую можно сопоставить с русским выражением «Любовь не знает преград», романтизирующая готовность преодолевать препятствия ради любимого человека. Однако показательна и противоположная по смыслу паремия «惚れた病に薬なし» (horeta yamai ni kusuri nashi), которая концептуализирует любовь как иррациональное состояние, подобное заболеванию. Пословица «会うは別れの始め» (au wa wakare no hajime) отражает буддийское представление о непостоянстве всего сущего и неизбежности расставания, что привносит в восприятие отношений между мужчиной и женщиной элемент фатализма.

Представление о ценности жены выражено в пословице «女房と畳は新しい方が良い» (nyōbō to tatami wa atarashī hō ga yoi), которая эксплицитно уподобляет жену предмету обихода, подлежащему замене. Данная паремия демонстрирует крайнюю степень объективации женщины в патриархальном дискурсе. Противоположный полюс оценки представлен пословицами о негативных последствиях неудачного брака: «女房の悪いは六十年の不作» (nyōbō no warui wa rokujūnen no fusaku) и «悪妻は百年の不作» (akusai wa hyakunen no fusaku). Метафора неурожая (不作) символизирует масштабность негативных последствий, которые распространяются не только на супруга, но и на потомков. Русская паремиология также содержит многочисленные пословицы о браке, однако с несколько иными акцентами. Признавая важность жены для благополучия семьи, русские пословицы чаще подчёркивают партнёрский характер супружеских отношений и взаимную поддержку, хотя патриархальные установки также присутствуют.

Японская пословица «女は弱し、されど母は強し» (on'na wa yowashi, saredo haha wa tsuyoshi) фиксирует трансформацию женской идентичности через материнство, что можно сопоставить с русской пословицей «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», хотя последняя не ограничивается материнской ролью. Данная паремия признаёт, что роль матери наделяет женщину особой силой и решимостью, которые отсутствуют у неё в других социальных ролях. Противопоставление «слабая женщина» – «сильная мать» отражает представление о том, что истинное предназначение и сила женщины раскрываются именно в материнстве. Пословица «女の一念岩をも通す» (on'na no ichinen iwa o mo tōsu), хотя и признаёт силу женской воли, имплицитно указывает на исключительность такой ситуации. Метафора пробивания камня символизирует преодоление, казалось бы, непреодолимых препятствий, однако сама необходимость подчеркнуть эту способность свидетельствует о том, что сила воли не считается типичным женским качеством. Русская паремиология также содержит признание женской силы и стойкости, создающее героический образ русской женщины, способной на решительные действия в критических ситуациях.

Ряд японских пословиц содержит прямые предостережения относительно общения с женщинами. Паремия «七人の子は生すとも女に心許すな» (shichinin no ko wa ikasu tomo on'na ni kokoro yudashuna) эксплицитно выражает недоверие к женщинам, причём даже выполнение основной социальной роли – воспитания детей – не является гарантией благонадёжности. Ещё более радикальное предостережение содержится в пословице «大蛇を見ると女を見るな» (daija o miru tomo on'na o miru na), которая представляет женщину как более опасную, чем мифологическое чудовище. Данная гиперболизация опасности женского

влияния отражает глубоко укоренённое в патриархальной культуре недоверие к женщинам. Пословица «貞女二夫に見えず» (teijo ni fu ni miezu) устанавливает норму женской моногамии и верности, которая выходит за рамки земной жизни – вдова не должна вступать в повторный брак. В русской традиции также присутствуют пословицы, содержащие предостережения относительно женского характера, однако они редко достигают той степени эксплицитного недоверия, которая характерна для японской паремиологии.

Несмотря на многочисленные негативные стереотипы, обе культуры признают важную роль женщины в создании благоприятной атмосферы в семье. Японская пословица «女は門開き» (on'na wa kado hiraki) связывает присутствие женщины с позитивными изменениями в жизни семьи. Метафора открывания ворот символизирует впускание света, радости и благополучия. Пословица «破れ鍋に綴じ蓋» (yabure nabe ni tojibuta) отражает представление о комплементарности супругов и возможности гармонии даже между несовершенными людьми, что перекликается с русской пословицей «Каждой твари по паре». Метафора сломанного горшка и заплатанной крышки указывает на то, что взаимное соответствие важнее индивидуального совершенства. Русская паремиология также подчёркивает роль женщины в создании домашнего уюта и эмоционального комфорта, представляя её как необходимый элемент полноценной семейной жизни.

Проведённый сопоставительный анализ японских и русских пословиц о женщинах позволяет сделать ряд выводов относительно особенностей репрезентации гендерных стереотипов в паремиологическом фонде двух лингвокультур. Прежде всего, следует отметить, что обе культуры демонстрируют амбивалентное отношение к женщине, сочетающее признание её важной роли в семейной сфере с недоверием к её влиянию на мужчин. При этом японская паремиология отличается более эксплицитным выражением негативных стереотипов и предостережений, в то время как русская традиция демонстрирует более сбалансированное отношение, признавая не только слабости, но и силу женского характера.

Особого внимания заслуживает тот факт, что японские пословицы в значительно большей степени акцентируют социальную уязвимость и зависимость женщины, отражая конфуцианскую модель патриархальных отношений. Русская паремиология, хотя и содержит патриархальные установки, чаще признаёт субъектность женщины и её способность к самостоятельному действию. Данное различие обусловлено спецификой исторического развития двух обществ и степенью влияния религиозно-философских систем на формирование гендерных представлений.

Анализ показал, что обе культуры фиксируют стереотип о женской эмоциональности, непостоянстве и склонности к многословию, однако интерпретация этих качеств различается. В японской традиции они однозначно оцениваются негативно, в русской – часто с долей иронии и снисходительности. Подобное различие в оценочных коннотациях свидетельствует о разной степени толерантности к проявлениям женской эмоциональности в двух культурах.

Тема женской привлекательности и её влияния на мужчин представлена в обеих культурах, однако японская паремиология значительно чаще концептуализирует женскую красоту как потенциально опасную силу, требующую осторожности со стороны мужчин. Это связано с представлением о женщине как об источнике искушения, способном отвлечь мужчину от выполнения его социальных обязанностей. Русская традиция, при всей её настороженности к женскому влиянию, реже прибегает к столь категоричным формулировкам.

Материнство признаётся в обеих культурах как источник особой женской силы и моральной ценности. Однако в японской традиции эта сила скорее исключительна и связана именно с ролью матери, тогда как русская паремиология признаёт женскую силу и в других контекстах. Данное наблюдение позволяет предположить, что в русской культуре существовало более широкое представление о женских возможностях за пределами материнской роли.

Женская мудрость и хитрость интерпретируются амбивалентно в обеих культурах. Признавая наличие у женщин интеллекта и интуиции, пословицы одновременно представляют эти качества как потенциально проблемные, особенно когда женщина пытается применить их в сферах, традиционно считающихся мужскими. Такая двойственность оценки отражает патриархальное стремление ограничить женскую активность семейной сферой.

Необходимо подчеркнуть, что японская паремиология демонстрирует более жёсткое и последовательное закрепление патриархальных гендерных стереотипов по сравнению с русской. Это может быть обусловлено более длительным и глубоким влиянием конфуцианской идеологии на японское общество, а также более строгой регламентацией гендерных ролей в традиционной японской культуре. Русская паремиологическая традиция, хотя и содержит патриархальные установки, демонстрирует большую вариативность в оценке женских качеств и признании женской силы, активности и субъектности. Это может быть связано с особенностями исторического развития русского общества, в котором женщины традиционно играли более активную роль в экономической жизни семьи и общины.

Важно отметить, что пословицы обеих культур выполняют не только дескриптивную, но и прескриптивную функцию, устанавливая нормы гендерного поведения и транслируя их из поколения в поколение. Через метафоры, образы и оценочные суждения паремии формируют представления о «правильной» женской роли и «нормативном» женском поведении, способствуя воспроизводству патриархальных структур. Полученные результаты имеют значение для понимания культурно-специфических особенностей гендерных представлений в японской и русской лингвокультурах, а также для выявления универсальных тенденций в языковой репрезентации женской роли в патриархальных обществах. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ динамики гендерных стереотипов в паремиологии, сопоставление с современными гендерными представлениями, а также на расширение сравнительной базы за счёт включения материала других языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М.: Художественная литература, 1989. — Т. 1. — 431 с.
2. Пословицы русского народа (Даль) / Муж — Жена — Викитека. — URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 22.10.2025).
3. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 230 с.
4. 斎藤 孝 (Saitō Takashi). これでカンペキ! マンガでおぼえることわざ・慣用句 [Совершенно идеально! Пословицы и идиомы, которые можно запомнить по манге]. — Токио: 岩崎書店 (Iwasaki shoten), 2013. — 159 с.
5. 実用ことわざ新辞典 ポケット判 [Jitsuyō kotowaza shin jiten. Prakticheskiy novyy slovar' poslovits. Karmannoe izdanie] / Под ред. редакционного отдела издательства Takahashi. — Токио: 高橋書店 (Takahashi shoten), 2015. — 368 с.
6. コトバンク (Kotobank). — URL: <https://kotobank.jp/word/十年一昔-527477> (дата обращения: 18.10.2025).

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718453>

UDC 37.016:811.111

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR IMPLEMENTING THE STRATEGY OF INTERACTIVE TEACHING METHODS IN ENGLISH LESSONS

FERUZA BERDALIEVNA TILENBAYEVA

Second-year Master's student in the educational program "7M01703 - Training of Foreign Language Teachers: Two Foreign Languages," Department of English, Zhanibekov University

ZHANNA KUDAIBERGENOVNA MAKHANOVA

Academic Supervisor: Doctor of Philosophy (PhD), Acting Associate Professor, Head of the English Department, Zhanibekov University

In today's rapidly changing world, the role of English as a global language has become more important than ever before. As a result, the demand for high-quality foreign language education is steadily growing, particularly in the context of general secondary schools, where students begin to form the foundational skills that shape their future academic and professional success. Teaching English as a foreign language in these institutions poses unique challenges and opportunities, especially when considering the most effective pedagogical approaches to support student learning. Among these approaches, interactive teaching methods have gained significant attention due to their learner-centered nature and ability to promote active engagement.

The concept of interactivity in education refers to the involvement of students in meaningful communication, collaborative activities, problem-solving tasks, and real-life simulations that mirror authentic language use. Interactive teaching strategies are particularly effective in language instruction because they allow learners to apply linguistic knowledge in dynamic contexts. These methods encourage students not only to receive knowledge passively but also to become active participants in constructing their own understanding. In this way, language learning becomes a social process, deeply rooted in communication and interaction. Such an approach aligns well with modern educational paradigms that prioritize critical thinking, creativity, and communicative competence[1].

However, the implementation of interactive methods in English language teaching does not occur in isolation. It is influenced by a variety of pedagogical conditions—factors within the educational environment that can either facilitate or hinder the effectiveness of these methods. These conditions include the teacher's professional competence and methodological preparedness, the availability of resources and materials, the organization of the learning environment, and the psychological and emotional climate of the classroom. Without careful consideration and development of these pedagogical conditions, even the most promising teaching strategies may fail to yield successful learning outcomes.

To be convinced of the advantage and effectiveness of an interactive learning strategy is possible only with its direct implementation in pedagogical activity. Currently, many of the methods of interactive learning allow us to carry out this process quite successfully.

In pedagogical literature one can often find two categories: "Interactive methods" and "methods of interactive learning". The difference between these categories lies in the content that is embedded in the word "interactive". Saying "interactive methods", we thereby focus on the interactivity of the method itself. The student's activity is secondary, that is, the method stops working - the student ceases to be active. In interactive learning, the main activity is the student's activity, which is set not only directly by the method, but also by other factors, for example, the educational environment created in the educational institution, etc.

The book "Innovative teaching methods in civic education" outlined an approach to choosing a method of interactive learning in the process of civic education. Here is a quote from this book: "... the choice of method is a painstaking work, which includes a thorough analysis of the group (its composition, previous experience, willingness to study, level of familiarity with this type of work);

determination of the purpose of using the method; understanding the problem that the method is affecting; their own problems and difficulties that may arise, and finally, just the technical conditions of use. We believe that this approach can be used in the educational process of secondary and higher schools. [2]

It is necessary to focus on the fact that the method cannot be turned into a means of ridding students of boredom in the classroom. The favorable psychological atmosphere created by the method cannot be the only and sufficient result of the lesson. “You cannot hide incompetence in a meaningful and methodological way, overwhelming the educational process with a variety of methods. Even non-traditional methods cannot alone guarantee the success of the educational process. Only a well-developed and thoughtful application of methods in combination with a thorough knowledge of the topic ensures the systematic development of the educational situation”.

The principle of communicative-situational learning involves the use of a complex of communicative situations aimed at developing the student’s speech, which contributes to “overcoming the sharp transition from learning conditions to natural communication due to the formation of strong associative ties among students”. At the same time, English classes are not divided by aspects, but are complex. The principle of interactivity assumes that in the course of the educational process, students not only acquire educational and professionally significant knowledge and skills, but also “change themselves as a result of performing substantive actions”.

The principle of an integrated approach is implemented in the use of all types of speech activity (including speaking) in teaching translation.

Using the principle of problematic in training means that “knowledge is not presented to the student in a deterministic, completed form, intended only for memorization, but is given in the dynamics of the transition from ignorance to knowledge, with the active participation of the students themselves in obtaining some of this knowledge as a result of independent work on the solution specially selected problem tasks. ” The principle of problematic plays a large role in generating interest in the content of training and the educational activity itself, which, in turn, increases educational motivation and enables students to show mental independence and initiative.

The principle of variability of the operating mode provides for the exchange of professionally significant information at the group and individual levels, as well as a combination of classroom and homework using modern means of communication.

Combining the principle of a differentiated approach with the principle of taking into account individual characteristics, the teacher becomes more free to choose teaching methods and various incentives that can support students' motivation and mental activity throughout the entire period of study [3].

REFERENCES

1. Candlin, Ch. N. (2015). The communicative teaching of English. Harlow: Longman Group Limited.
2. Harmer, J. (2015). How to teach writing. Harlow: Pearson Education Limited.
3. Hemerka, V. (2016). Low speaking performance in learners of English. Unpublished bachelor thesis, Faculty of Education, Masaryk University, Brno, Czech Republic.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718467>

UDC 37.02:811

FEATURES OF USING INTERACTIVE METHODS AT THE INITIAL STAGE OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

FERUZA BERDALIEVNA TILENBAYEVA

Second-year Master's student in the educational program "7M01703 - Training of Foreign Language Teachers: Two Foreign Languages," Department of English, Zhanibekov University

ZHANNA KUDAIBERGENOVNA MAKHANOVA

Academic Supervisor: Doctor of Philosophy (PhD), Acting Associate Professor, Head of the English Department, Zhanibekov University

In the modern world, the process of globalization and construction of global education is underway, which urgently require the reform of the educational systems of individual countries, taking into account the world standards. From the first years of independence, the development of the education system of the Republic of Kazakhstan was aimed at entering the international educational space, at taking worthy positions in the world ranking of educational systems.

Proficiency in a foreign language is a necessity and prerequisite for the growth of human capital, the formation of an intellectual nation and, as a result, ensuring the competitiveness of the state in the near future.

Meanwhile, world experience shows that merely learning a language is not enough for full communication in the language. A full-fledged learning of languages, especially the formation of a multilingual professional specialist, is possible only when active and interactive forms of conducting classes in combination with information and communication technologies are widely used in the learning process in order to form and develop professional skills of students.

That is, the use of interactive methods of teaching, which allows expanding the range of foreign-language professional communication based on information technology, is an objective necessity, due to global informatization and intensification of international relations.

The issue of organizing teaching a foreign language in a non-linguistic university has become the subject of the study by many domestic and foreign scholars, such as L.K. Karabaeva, Zh.Kh.Salkhanova, N.I. Almazova, A.V. Barybin, M.G. Evdokimova, L.M. Ermolaeva, A.Ya. Gaysina, A.K. Krupchenko, S.A. Kuznetsova, E.I. Kalmykova, T.B. Lesokhina, V.D. Stepanov et al.

An analysis of studies on the use of interactive methods of teaching shows that most of them rely on the ideas of the theory of symbolic interactionism (J.G. Mead (USA), G. Blumer (USA), D.M. Boldwin (USA), C. Cooley (USA) and others).

In the studies of A.E. Avdyukova, L.N. Vavilova, V.A. Vakulenko, Yu.E. Vodopyanova, P.D. Gadzhieva, V.V. Guzeeva, L.K. Geikhman, O.A. Golubkova, T.N. Dobrynina, V.K. Dyachenko, E.V. Korotaeva, D.S. Ermakova, D.N. Kavtaradze, S.G. Kornienko, E.V. Korotaeva, M.V. Klarina, G. B. Kornetova, L. N. Kulikova, D. I. Latyshina, A. G. Madzhuga, T. A. Myasoed, V. V. Nikolina, T. S. Panina, O. V. Petunina, I.E. Ukolova, O.N. Shevlyukova, S.A. Shmakova, T.L. Chepel, A.V. Khutorsky and others, the issue of mastering and using interactive methods of teaching was reflected. Currently, the concept of "interactive methods of teaching" is filled with new content, a priority role is given to it: interaction (P.D. Hajiyeva, D.I. Kavtaradze, M.V. Klarin, T.A. Myasoed, B.T. Badmaev); the development of personal communication skills (L.K. Geikhman, L.V. Zaretskaya, D.A. Mahotin); the development and implementation of the social experience of people (L.N. Kulikova); educational and pedagogical cooperation between the participants of the learning process (E.V. Korotaeva, A.Yu. Prilepo, N.E. Schurkova and others). At the same time, the problem of using interactive methods with the introduction of information and computer technologies in the learning process is not well understood.

The use of Web 2.0 services, and microblogging, in particular, in the process of teaching foreign languages, is an indispensable resource for the formation of communicative skills of students. At the moment, there are several works dedicated to teaching foreign languages through microblogging. The authors of these works are the following authors Pustovalova O.V., Harmandaoglu E. [1].

The current development trends of the global learning process include the use of new educational technologies in the learning process. The creation of modern educational concepts, as well as the recognition by the Bologna Convention of the need for students to develop a desire for continuous self-education throughout their lives, leads to the use of interactive teaching technologies for L2 that meet the following requirements:

- improving the effectiveness and quality of learning;
- providing motives for independent cognitive activity;
- the development of interdisciplinary ties.

Recently, pedagogy began to interact with related sciences, expanding its interdisciplinary ties, and these changes have led to the emergence of the term "interactive learning". The concept of interaction was actually borrowed from sociology, according to the categorical apparatus of which, special devices or means are called interactive, which ensure continuous interaction of the user with the computer in the form of a dialogue. Interactive polls and programs appeared on radio and television, in which there are live conversations with listeners or viewers.

The student becomes a full participant in the learning process, his/her experience serves as the main source of educational knowledge. The teacher, in turn, plays the role of a guide. It does not provide ready-made knowledge, but encourages students to search independently. Compared to traditional teaching, in interactive learning, the interaction of the teacher and the student changes in turn.

In modern methods, several learning models are distinguished:

- passive, when the student acts as the "object" of learning (listens and watches);
- active, when the student acts as the "subject" of learning (independent work, creative tasks);
- interactive, in which the student interacts not only with the teacher.

The criterion for such a classification is the level of interaction of the participants in the learning process. Let's consider each model in more detail [2].

The organization of a workable, communicative group, especially at the initial stage of training, is extremely important. The group should include both boys and girls belonging to different nationalities.

Before you organize small groups and offer them tasks, you need to carefully prepare the children for this, a new kind of activity for them. The task of the preparatory phase, as a rule, is to

- determine the level of psychological readiness of students to learn the new pedagogical technology;
- create conditions of psychological comfort and success situations for students.

The technology of learning in cooperation, as a technology of developing learning, involves "awakening and launching" the needs for self-actualization, self-realization, self-improvement, that is, what we hope to develop in children. But this is difficult to do if the child has a low level of self-esteem, self-acceptance, an unmet need for love, understanding and acceptance from other people (teachers, classmates, etc.). By organizing interactive games with children, you can help children feel unity with others, teach them to think clearly, explore and analyze, make decisions - independently and in a group, develop openness and courage to express their attitude towards others, and also help to cope with their fears and stress, to develop those qualities and sides of character that they will need when working in a small group.

"A situation of success does not arise where comparison of one child with another, comparison of one group with another is allowed: personality development proceeds unevenly, discretely, and some children with this comparison will always lose, supposedly lag behind the development of other children, and that means they'll be deprived of a wonderful feeling of their strength and personal

success. " Success is the key to a positive attitude to study, to work, to oneself, an incentive to work actively. [2]

However, it is necessary to strive for the versatile activities of each student. One student cannot be offered the same role over a series of lessons. Communication at the level of equal partnerships promotes the exchange of knowledge, skills and abilities in the independent solution of the simplest communicative and cognitive tasks. Because. if students communicate within the group and groups with each other, to the extent possible, in a foreign language (using replicas in the mother tongue is allowed when performing the grammar assignment at the stage of skill formation, as well as when checking homework), then at the preparatory stage it is necessary not only to familiarize students with the stages work in small groups of cooperation and its specifics, but also to prepare students themselves for interaction in a foreign language, to familiarize themselves with the features of verbal communication. In order to help the teacher, samples of reminders for work in a small group for younger students can be offered. Memos are issued on sheets for individual use (each on a table), as well as on separate posters for placement in the classroom.

REFERENCES

1. Candlin, Ch. N. (2015). The communicative teaching of English. Harlow: Longman Group Limited.
2. Harmer, J. (2015). How to teach writing. Harlow: Pearson Education Limited.
3. Hemerka, V. (2016). Low speaking performance in learners of English. Unpublished bachelor thesis, Faculty of Education, Masaryk University, Brno, Czech Republic.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718475>

УДК 811.512.122'27:378

КӨПТІЛДІ ОРТАДАҒЫ ҚАЗАҚ ТІЛІ: СТУДЕНТТЕРДІҢ ТІЛДІК ТӘЖІРИБЕСІ

КЕНЖЕГАЛИЕВА МЕРУЕРТ КАЙРАТОВНА

Филология факультетінің магистранты, Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Аңдатпа. Бұл мақалада көптілді ортада жоғары оқу орындары студенттерінің қазақ тілін қолдану тәжірибесі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – қазіргі жастардың тілдік таңдауы мен қазақ тіліне деген қатынасын сапалық және сандық тұрғыдан анықтау. Зерттеу 2024–2025 оқу жылында Қазақстанның әртүрлі мамандықта оқитын студенттер арасында жүргізілді, 83 студент қатысты. Зерттеуде үш түрлі әдіс қолданылды: сауалнама, сұхбат, бақылау.

Нәтижелер көрсеткендей, студенттердің қазақ тілін бейресми ортада қолдану деңгейі және цифрлық кеңістіктегі белсенділігі едәуір артқан. Цифрлық ортада белсенді қолдануға байланысты орындаған тапсырмаларының нәтижесінде тілдік мотивацияның өсу деңгейі байқалады.

Зерттеу қазақ тілінің қазіргі жастар арасындағы әлеуметтік және мәдени рөлін түсінуге мүмкіндік беріп, тіл саясаты мен тіл оқыту әдістемесін жетілдіруге қатысты нақты ұсыныстар ұсынды. Қазақ тілін цифрлық ортада танымдық, әлеуметтік және мәдени құрал ретінде белсенді қолдану – оны сақтаудың және дамытудың өзекті бағыты ретінде қарастырылады.

Кілт сөздер: көптілділік, қазақ тілі, студенттер, тілдік тәжірибе, цифрлық кеңістік, жастар тілі.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ: ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ СТУДЕНТОВ

КЕНЖЕГАЛИЕВА МЕРУЕРТ КАЙРАТОВНА

Магистрант филологического факультета Казахского национального женского педагогического университета, Алматы, Казахстан.

Аннотация. В данной статье рассматривается опыт использования казахского языка студентами вузов в полиязычной среде. Цель исследования – качественно и количественно определить языковой выбор и отношение современной молодежи к казахскому языку. Исследование проводилось среди студентов разных специальностей Казахстана в 2024–2025 учебном году, в нем приняли участие 83 студента. В исследовании использовались три разных метода: опрос, интервью, наблюдение.

Результаты показали, что значительно повысился уровень использования казахского языка студентами в неформальной среде и активность в цифровом пространстве. В результате выполняемых задач, связанных с активным использованием в цифровой среде, наблюдается рост языковой мотивации.

Исследование позволило понять социальную и культурную роль казахского языка среди современной молодежи и внесло конкретные предложения по совершенствованию языковой политики и методики преподавания языка. Активное использование казахского языка как познавательного, социального и культурного инструмента в цифровой среде рассматривается как актуальное направление его сохранения и развития.

Ключевые слова: полиязычие, казахский язык, студенты, языковой опыт, цифровое пространство, молодежный язык.

KAZAKH LANGUAGE IN A MULTILINGUAL ENVIRONMENT: LANGUAGE EXPERIENCE OF STUDENTS

KENZHEGALIEVA MERUERT KAIRATOVNA

Master's student, Faculty of Philology, Kazakh National Women's Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan.

Annotation. *This article discusses the experience of using the Kazakh language by students of higher educational institutions in a multilingual environment. The purpose of the study is to qualitatively and quantitatively determine the language choice and attitude of modern youth to the Kazakh language. The study was conducted in the 2024-2025 academic year among students studying in different specialties of Kazakhstan, 83 students took part. The study used three different methods: survey, interview, observation.*

The results showed that the level of use of the Kazakh language by students in an informal environment and activity in the digital space has significantly increased. As a result of the tasks performed in connection with active use in the digital environment, there is an increase in the level of language motivation.

The study made it possible to understand the social and cultural role of the Kazakh language among modern youth and presented specific recommendations for improving language policy and language teaching methods. The active use of the Kazakh language as a cognitive, social and cultural tool in the digital environment is considered as an urgent direction for its preservation and development.

Keywords: *multilingualism, Kazakh language, students, language practice, digital space, youth language.*

Кіріспе. Жаһандану мен мәдениетаралық өзара әрекеттестік жағдайында көптілділік қазіргі білім беру кеңістігінің ажырамас бөлігіне айналуға. Қазақстан – көпұлтты әрі көпмәдениетті мемлекет ретінде қазақ, орыс және ағылшын тілдері қатар қолданылатын бірегей лингвистикалық кеңістікке ие. Мұндай тілдік алуандылық бір жағынан мәдениетаралық коммуникация мен кәсіби мобильділікке кең мүмкіндіктер ашса, екінші жағынан – білім беру жүйесінің алдына тілдік тепе-теңдікті қалыптастыру мен ұлттық тілді мәдени бірегейліктің негізі ретінде сақтау міндетін қояды. Қазақстан мектептері мен жоғары оқу орындарында үштілді білім берудің белсенді түрде енгізілуі жағдайында полиязық ортада қазақ тілінің қызмет етуі мен студенттер тарапынан қабылдану ерекшеліктерін зерттеу өзекті мәселеге айналуға.

Қазіргі студент түрлі коммуникативтік жағдаяттарға жиі түсіп отырады, мұндай жағдайларда тіл таңдау мәдени тиімділікпен қатар, қарым-қатынастың прагматикалық мақсаттарына да байланысты болады. Сонымен қатар, қазақ ұлтынан шыққан студенттердің өз ішінде де қазақ тілін әртүрлі деңгейде меңгеруі байқалады. Бұл тарихи, социолінгвистикалық және білім беру факторларымен тығыз байланысты. Осындай жағдайда студенттердің тілдік тәжірибесін зерделеу қазақ тілінің полиязық ортадағы шынайы қызмет ету тетіктерін, академиялық және күнделікті қатынастағы орнын, сондай-ақ түрлі жағдаяттарда тіл таңдауына әсер ететін факторларды анықтауға мүмкіндік береді.

Студенттердің көптілділік жағдайындағы қазақ тілін қолдану бойынша жеке стратегияларын талдау ерекше қызығушылық тудырады. Тілдік бірегейлік мәселесі, қазақ тілін меңгеру деңгейі, оны қолдануға немесе қолданудан бас тартуға деген мотивация – мұның барлығы әлеуметтік орта, отбасылық дәстүрлер, мектеп пен университеттегі тілдік тәжірибемен тығыз байланысты. Осы факторларды анықтау қазақ тілі құзыреттілігінің полиязық қарым-қатынас жағдайында қалай қалыптасатыны мен дамитынын тереңірек түсінуге жол ашады.

Аталған зерттеудің мақсаты – көптілді ортадағы студенттердің тілдік тәжірибесін қазақ тілінің мәртебесі мен қызметіне басымдық бере отырып талдау. Мұндай тәсіл мемлекеттік тілдің жастардың білім беру және коммуникациялық тәжірибесіне қаншалықты енгенін бағалауға, сондай-ақ оны қолдау мен ілгерілетудің әлеуетті жолдарын анықтауға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелері қазақ тілін оқыту әдістемесін жетілдіруге, жоғары оқу орындарына арналған тиімді тілдік бағдарламалар әзірлеуге, сондай-ақ көптілді қоғам жағдайында студенттердің тілдік бірегейлігін нығайтуға септігін тигізуі мүмкін. Қазақ тілі – ұлттық мәдени мұрамыздың символы әрі елдің өзіндік болмысының ажырамас бөлігі болғандықтан, оны жастар ортасында белсенді қолдану – тек білім беру саясатының ғана емес, жалпы мемлекеттік саясаттың да басты бағыттарының бірі болуы тиіс.

Қазіргі қазақстандық қоғамда көптілділік белсенді түрде енгізіліп жатыр, әсіресе білім беру саласында, мұнда жастардың жаңа тілдік бірегейлігі қалыптасуда. Қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде жүзеге асырылатын үштілді білім беру жағдайында студенттер күн сайын өзара қарым-қатынас, оқу пәні, цифрлық кеңістік және әлеуметтік ортаға байланысты бір немесе бірнеше тілді таңдайды. Бұл таңдау жеке ұстанымдармен қатар, институционалдық және мәдени әсерлерді де бейнелейді. Соңғы жылдардағы көптеген зерттеулерге сүйенсек, мемлекеттік әрі символдық мәртебесіне қарамастан, қазақ тілі көптілділік жағдайында бірқатар сын-тегеуріндерге тап болуда.

А.К. Бейсембаеваның зерттеуінде қазақ тілі ұлттық бірегейліктің және тиістіліктің көрсеткіші ретінде қабылданатыны айтылғанымен, оның студенттер арасындағы қолданылуы үзік-үзік сипатқа ие екені, әсіресе қалалық өңірлерде байқалатыны атап өтілген [1]. Ж.Ж. Есенғалиева мен Т.С. Әбілова қазақ тілін меңгеру деңгейі оқыған мектеп түріне, шыққан өңіріне және отбасылық тілдік ортаға байланысты айтарлықтай өзгеретінін көрсеткен [2]. Орыс тілінде білім алған студенттер қазақ тілін академиялық мақсатта қолдануда қиындықтарға тап болып, ғылыми пікірталастарға қатысуы мен жазбаша тапсырмаларды орындауы шектеулі болады. Өз кезегінде, С.Р. Мұқашева студенттердің қазақ тілін ресми және формалды коммуникацияда жиі қолданатынын, ал бейресми және цифрлық қатынастарда негізінен орыс және ағылшын тілдерін пайдаланатынын көрсеткен [3].

Цифрлық ортаның ықпалы Тілешова Г.Ж. мен Аймұхамбетова Ж.Т. еңбектерінде талданған [4][5]. Олар әлеуметтік желілер, бейнеплатформалар мен қазақ тіліндегі білім беру қосымшаларының маңызын атап өтеді. Мұндай ресурстар жастардың қызығушылығына сай келсе, қазақ тілін еркін және ерікті түрде қолдануға жағдай жасайды. Алайда жаратылыстану және техникалық пәндер бойынша қазақ тіліндегі сапалы әрі мамандандырылған ресурстардың жетіспеушілігі жоғары оқу орындарында қазақ тілінің толыққанды қолданылуына әлі де кедергі келтіруде. Б.А. Құлманова қазақтілді бірегейлікті қалыптастыру когнитивтік және құндылықтық тәсілдердің үйлесімі арқылы ғана жүзеге асады деп тұжырымдайды: қазақ тілі тек оқу пәні ретінде ғана емес, сонымен қатар өзіндік анықталу мен тұлғалық көріністің құралы ретінде де қабылдануы тиіс [6].

Кейбір зерттеушілер мотивациялық аспектілерге назар аударады. Мәселен, Р.Н. Ибраева қазақ тілі тек міндетті оқу пәні ретінде қабылданғанда, оған деген пассивті қатынас қалыптасатынын айтады [7]. Автордың пікірінше, қазақ тілін студенттер арасында тиімді ілгерілету үшін оны заманауи, беделді және функционалды тіл ретінде көрсететін оң бейне қалыптастыру қажет. Бұл қорытындыны А.Б. Орынбаева да қолдайды, ол отбасындағы тілдік ортаның қазақ тілін еркін қолдануға деген сенімділікке тікелей әсер ететінін көрсетеді [8].

С.Н. Таубаева мен Б.К. Садырбаева көптілділік жағдайында полимәдени тұлғаны қалыптастырудың педагогикалық моделін әзірлеген [9]. Бұл модель қазақ тілін белсенді қолдануды және мәдениетаралық құзыреттілікті дамыту үдерісін қатар жүргізуді көздейді. Алайда институционалдық қолдауға қарамастан, егер студенттерде ішкі мотивация болмаса және тілдік орта сәйкес келмесе, қазақ тілін ілгерілетуге бағытталған күш-жігер толық іске аспай қалуы мүмкін. Н.К. Оразбаева қазақ тілінің академиялық деңгейде жеткілікті

дамымағанына назар аударады [10]. Автор оқу және ғылыми материалдардың жетіспеушілігі, терминдерді аударудағы қиындықтар мен студенттердің курстық және дипломдық жұмыстарды қазақ тілінде жазуға деген төмен мотивациясын негізгі мәселелер ретінде көрсетеді.

Қолда бар деректерге қарамастан, қазіргі әдебиеттерде әлі де зерттелмеген мәселелер бар. Мысалы, әртүрлі факультеттер мен пәндерде қазақ тілінің қолданылу ерекшеліктері толық зерттелмеген. Сондай-ақ, студенттердің қазақ тілін университет өмірінде белсенді қолдануына кедергі келтіретін психолінгвистикалық тосқауылдар жеткілікті зерделенбеген. Сонымен қатар, студенттердің тілді ұзақ мерзімді перспективада қалай қабылдайтыны жөнінде эмпирикалық деректер жетіспейді: олар қазақ тілін мансап, жеке даму және халықаралық серіктестік үшін ресурс ретінде қабылдай ма? Бұған қоса, цифрлық мәдениет пен әлеуметтік желілер алгоритмдерінің жастар арасындағы қазақ тілінің лексикасы, нормалары мен құрылымына әсер етуі туралы білім жүйеленбеген күйде қалып отыр.

Осылайша, қазіргі зерттеулерде маңызды ғылыми алшақтық бар: қазақ тілі көбінесе социолінгвистикалық талдау мен мемлекеттік саясат аясында зерттелуде, ал студенттердің күнделікті және академиялық тәжірибесі зерттеу назарынан тыс қалып келеді. Студенттердің тілдік тәжірибесін, мотивациясын, кедергілерін, үміттерін және қазақ тілін қолданудағы нақты стратегияларын терең талдау қажет.

Осы зерттеу осы олқылықтың орнын толтыруды мақсат етеді және қазақ тілін жай ғана мемлекеттік бағдарлама элементі емес, студенттік бірегейлік, академиялық даму және мәдениетаралық коммуникацияның тірі әрі динамикалық компоненті ретінде қарастыруды ұсынады. Студенттердің тілдік тәжірибесін талдау жоғары оқу орындарында қазақ тілін тек міндетті емес, сонымен қатар қалаулы, ойлау, оқыту және өзін білдіру құралы ретінде қолдануға жол ашатын тиімді әрі ынталандырушы тілдік ортаны құруға бағытталған нақты ұсыныстар әзірлеуге мүмкіндік береді.

Зерттеу сұрақтары:

1. Студенттер көптілді ортада қазақ тілін қандай деңгейде, жағдайларда қолданады?
2. Қазақ тілін қолдануда кедергі келтіретін факторлар мен тілдік қиындықтар қандай?
3. Үштілділік саясатының студенттердің қазақ тілін қолдануы мен тілдік таңдауларына қалай әсер етеді?
4. Цифрлық кеңістікте қазақ тілін қолдану студенттердің тілдік мотивациясы мен тәжірибесіне қандай ықпал етеді?

Материалдар мен әдістер

Бұл зерттеу жоғары оқу орындары студенттерінің көптілді ортада қазақ тілін қолдану ерекшеліктерін анықтауға бағытталды. Зерттеу 2024-2025 оқу жылында әртүрлі мамандықта оқитын студенттер арасында жүргізілді. Барлығы 83 студент қатысты. Сауалнама 1-курс, 3-курс, 5 курс студенттерінен алынды. Мамандықтар: ветеринария, медицина, қазақ тілі мен әдебиеті педагогтары, сәулеттік дизайн болды. Жас құрамы 18-25 аралығын қамтыды. Зерттеуде үш негізгі әдіс: сауалнама, сұхбат, бақылау әдісі қолданылды.

Студенттерден ашық және жабық сұрақтардан тұратын сауалнама алынды. Олар өздерінің күнделікті өмірдегі, отбасындағы және қазіргі университеттік ортадағы тілдік тәжірибесін баяндады. Сауалнама қазақ тілін қолдану жиілігі, қолдануда кездесетін кедергілер мен жиі жіберетін қателер, үштілділіктің әсері мен тілді сақтаудағы факторлардан құралған сұрақтардан тұрды.

1. Қазақ тілді меңгерудегі деңгейіңіз?

Ана тілім ретінде

Еркін түрде меңгергенмін

Орташа

Бастапқы

2. Қазақ тілінде сөйлегенде кедергілерге кездесесіз бе?

Жиі

Кейде

Жоқ

3. Қазақ тілін сақтауда қандай факторлар маңызды рөл атқарады?

Отбасының рөлі маңызды

Білім беру жүйесінде қазақ тіліне басты назар аудару

Мемлекеттік саясаттың рөлі

Қоғамдық өмірде қазақ тілін көбірек пайдалану

Қазақ тіліндегі цифрлық контент пен медианы дамыту

4. Қазақ тілін қай жерлерде жиі қолданасыз?

5. Қазақ тілінде қандай қателерді көп жібересіз

6. Сіздің қазақ тілін қолдануыңызға үштілділік қалай ықпал етті?

Қазақ тілінде сөйлеу, жазу дағдыларым жақсарды

Қазақ тілін аз қолдандып бастадым

Орыс және ағылшынша араластырып қолданамын

Қазақ тіліндегі деңгейім өзгермеді

7. Күнделікті өмірде қазақ, орыс және ағылшын тілінің қайсысын көп қолданасыз?

Сұхбат көптілді жастардың қазіргі кездегі қазақ тілін қолдану жиілігін, студенттер арасында қазақ тілінің танымалдылығы мен рөлін анықтауға бағытталды. Сұхбатқа әртүрлі мамандықта оқитын, қазақ тілі әртүрлі деңгейдегі студенттер қатысты. Қатысқан адам саны-5. Сұхбат 3 негізгі тақырыптан тұрды:

1. Тілдік деңгейі және таңдауы

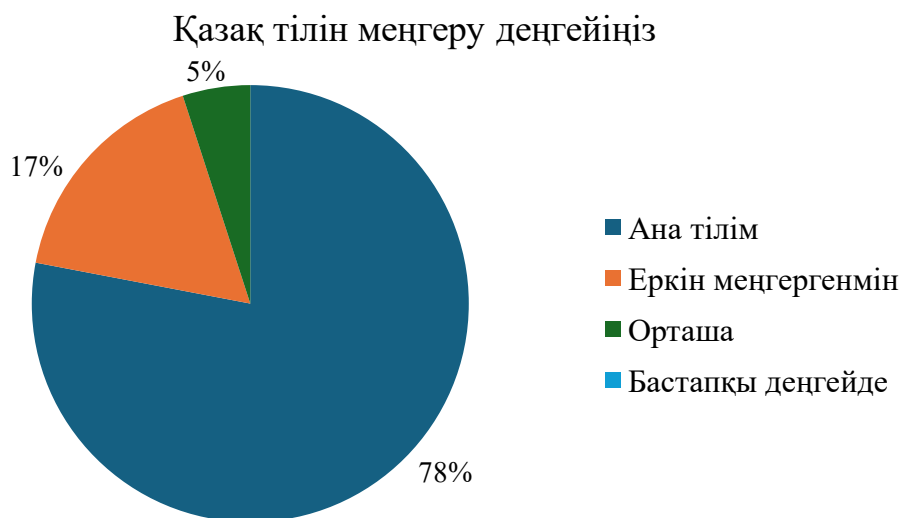
2. Университеттегі тілдік тәжірибе

3. Көзқарастар мен ұсыныстар

Сұхбат 2025 жылдың көктемінде онлайн форматта алынды.

Бұл әдіс қазақ тілінің жастар арасындағы өзектілігін, бейресми қолданылу дәрежесін және тілді «модалық тренд» ретінде қабылдауын көрсетуге, студенттердің көзқарастары мен тәжірибесін тереңірек түсінуге мүмкіндік берді.

Нәтижелер мен талқылау. Зерттеу негізінде алынған сауалнама бойынша студенттердің тілдік тәжірибесі мынадай болды:

Сурет-1 Студенттердің қазақ тілін меңгеру деңгейі

1-суретте студенттердің тілді меңгеру деңгейі көрсетілген. Диаграммада көрсетілгендей студенттердің 78% ана тілі ретінде, 17% еркін түрде, 5% орташа деңгейде меңгерген.

Келесі сауалнама сұрағы қазақ тілін қолдануда кездесетін кедергілер туралы болды. Жауаптар нәтижесі төмендегідей болды:

Сурет-2 Респонденттердің қазақ тілінде сөйлегенде кедергілерге тап болуы

Қазақ тілінде сөйлегенде студенттердің 56% кедергіге ұшырамайтындығын көрсетсе, 44% кедергіге ұшырайтынын белгілеп кетті. Бұдан бөлек қазақ тілінде қандай қателерді көп жіберетінін ашық сұрақта нақтылап көрсетті. Студенттердің бірқатары қате жібермеймін, ешқандай деген жауаптар жазды. Көбісі *кейбір әріптерді шатастырамын, орысша әріптерді қолданамын, н мен ң әріптерін айыра алмаймын, жалғаулардан шатасамын, кейбір адам есімдерін жазғанда қателесемін, ө мен ү әріптерінен қателесемін* деген жауаптар жазған. Мұндай қателер студенттер арасында грамматикалық тұрғыдан кедергілердің көп кездесетіндігін көрсетеді.

Келесі сауалнама сұрағы тілді сақтап қалудағы маңызды факторларды таңдауға бағытталды. Нәтижесі төмендегідей болды:

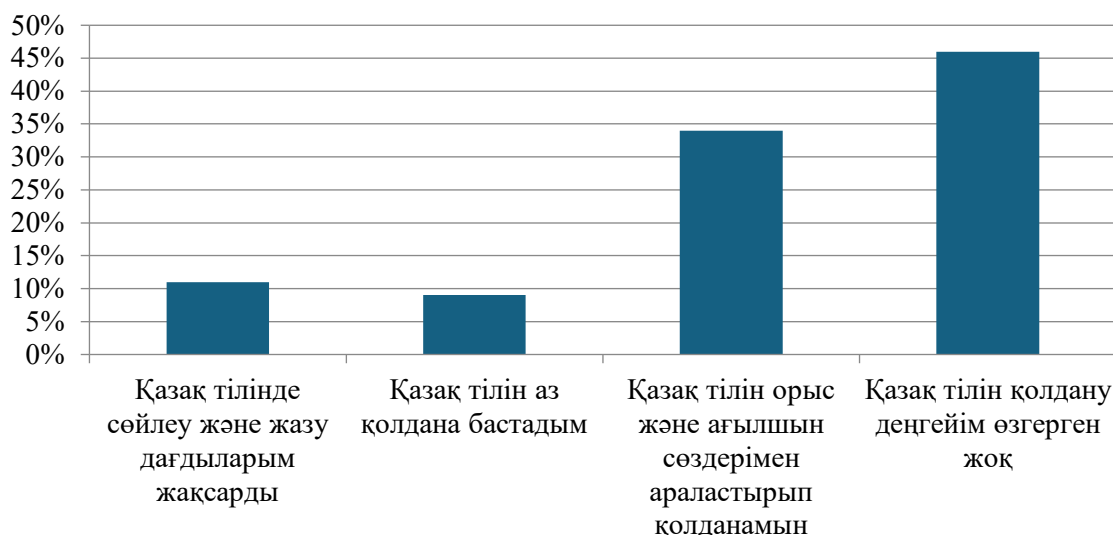
Сурет-3 Қазақ тілін сақтаудағы маңызды факторлар

3-сурет нәтижелері көрсеткендей студенттердің көбі тілді сақтауда медиа және цифрлық контентті қазақ тілінде дамыту, қоғамдық өмірде қазақ тілін көбірек қолдану нұсқаларын маңызды фактор ретінде таңдаған. Қазақ тілінде медиа мен әлеуметтік желіде қазақ тілінде көбірек контент жасау, тарату жастар арасында сәнге айналып, тілді қолдану, үйренуге деген

мотивациясын арттырады. Қоғамдық ортада қазақ тілін көбірек қолдану адамдар арасында тілдің қажеттілігін арттыратын факторлардың бірі. Жастар арасында бұл еліктеушілік пен қызығушылықты арттырады. Ал, 30 студент қазақ тілін сақтаудағы маңызды факторлардың бірі ретінде білім беру жүйесін, 25 студент болса отбасылық қолдау нұсқаларын таңдаған.

Келесі сұрақ студенттердің тілдік тәжірибесіндегі үштілділіктің әсерін анықтау мақсатында қойылды:

Үштілділік сіздің қазақ тілін қолдануыңызға қалай ықпал етті?

Сурет-4 Үштілділіктің студенттердің қазақ тілін қолдануына тигізген әсері.

Деректер көрсеткендей, студенттердің 46% қазақ тілін қолдану деңгейі өзгермеген десе, 34% үш тілді аралас қолданатынын көрсетті. 11% студент қазақ тілінде сөйлеу және жазу дағдыларым жақсарды деген нұсқаны таңдады. Қалған 9% студент қазақ тілін аз қолдана бастаған. Жалпы, үштілділік студенттің дамуына, жан жақты білім алуына ықпал еткенімен, тиімді болуы тілдердің қолданылу дәрежесіне байланысты.

Сауалнамада қойылған ашық сұрақтардың жауаптар нәтижесі.

Қазақ тілін қай жерде қолданатындары, күнделікті қазақ, орыс, ағылшын тілдерінің қайсысын көбірек қолданатындары туралы сұрақ қойылды. Қатысушылардың көпшілігі қазақ тілін күнделікті өмірде қолданатындарын жазды: *күнделікті барлық жерде қазақша сөйлеймін, барлық жерде қолдануға тырысамын, отбасым және достарыммен сөйлескенде...* Кейбір қатысушылар тек шектеулі ортада ғана қазақша сөйлейтіндерін көрсетіп кетті: *үйде, тек отбасыммен, сабақта, университетте ғана*. Жауаптар нәтижесі көрсеткендей, студенттердің бір тобы күнделікті өмірінде қолданса, басқа студенттер тек белгілі бір жерлерде ғана қолданатындары белгілі болды. Бұл тілді қолдану адамдардың әлеуметтік ортасына, ұстанымына байланысты өзгеріп отыратындығын аңғартады.

Келесі студенттерден алынған сұхбат нәтижелері. Сұхбатта үш тақырыпқа бөлінген сұрақтар қойылды. Сұрақтар студенттердің тілдік таңдауы мен деңгейі, білім алуудағы тілдік тәжірибесі, тілді дамытуға байланысты ұсыныстары мен көзқарастарын жеткізуден тұрды.

Респондентер	Тілдік деңгейі	Күнделікті тілдік орта	Университеттегі тілдік тәжірибе	Ұсыныстар
--------------	----------------	------------------------	---------------------------------	-----------

P1	Еркін меңгерген	Барлық жерде қазақша сөйлейді. Әрқашан қазақша сөйлеуге тырысады	Қазақша оқиды, пәндер қазақ тілінде, бірақ ресми құжаттар кейде орысша беріледі	Қазақша сөйлесу керек, қоғамдық мекемелерде қазақ тілін кеңінен қолдану керек
P2	Еркін түрде біледі	Үйде, университетте, достарымен қазақша сөйлеседі.	Қазақша оқиды. Негізгі пәндер қазақ тілінде өтеді	Қазақша тегін курстарды көп ашу керек, әсіресе мектепте. Қазақ тілін міндетті ету керек.
P3	Қазақ тілін ана тілі ретінде біледі	Күнделікті өмірде барлық жерде қазақша сөйлеседі.	Қазақша оқиды. Барлық пәндер қазақша өтеді	Қазақ тілінде білім беруді күшейту керек
P4	Орта деңгейде біледі. Көбіне орыс тілінде сөйлейді.	Кейбір жерде ғана, көбіне орысша сөйлеседі	Қазақ тіліндегі пәндер аз, сабақ көбінесе орысша өтеді	Қазақша контентті көбейту керек деп санайды
P5	Қазақша және орысша аралас сөйлейді.	Үйде қазақша, достар арасында орысша сөйлеседі	Университетте кейбір пәндер қазақ тілінде оқытылады. Сабақтар көбінесе орысша, ағылшынша	Тілдік мотивацияны күшейту керек. Қазақша көп қызықты бағдарламалар шығарып, аудармаларды көбейту керек

Кесте-1 Респонденттердің тілдік таңдауы мен ұсыныстары

1- кесте респонденттердің қазақ тілін меңгеру, қолдану деңгейінің әртүрлі екенін көрсетеді. Респонденттердің көбі қазақ тілін еркін меңгерген, тілді белсенді түрде қолданады. Бұл тілдің әлеуметтік ортада орны бар екенін көрсетеді. Алайда, тілдік ортасы мен тәжірибесі тұрғысынан университет және қоғамдық орындарда қазақ тілінің аясын кеңейту керек екендігі байқалады. Респонденттердің басым бөлігі ұсыныстар бөлімінде қазақ тілінің қолданыс аясын кеңейту, тіл үйрету курстарын көбейту, қазақ тілінде қызықты контенттер ұсыну, ресми орындарда қазақ тілін пайдалану секілді нақты ұсыныстар айтты.

Көптілді ортада студенттердің қазақ тілін қолдану ерекшеліктерін анықтау мақсатында зерттеу жүргізілді. Зерттеу қазақ тілін қолдану мотивтері мен тілдік таңдау контекстерін анықтауға мүмкіндік берді. Студенттердің өмірлік тілдік тәжірибесін зерттеу мақсатында бақылау тобына 41 студент енді ($n = 41$).

Бақылау нәтижесі студенттердің қазақ тілін көбіне ресми және оқу үдерісінде қолданатынын, ал бейресми қарым-қатынас пен цифрлық кеңістікте орыс және ағылшын тілдеріне басымдық беретінін көрсетті.

Студенттерге әлеуметтік желіде қазақ тілінде жазбалар жариялап қазақ тілінде пікір қалдыру, белгілі бір қазақ тіліндегі шағын бейнематериал және подкаст жасау секілді тапсырмалар берілген кезде қазақ тілін тек күнделікті қарым-қатынас құралы ретінде емес, танымдық ақпаратты жеткізудің, біліммен бөлісудің маңызды тілі ретінде қолдана бастаған.

Бұл – цифрлық білім беру платформалары мен контенттердің қазақ тілінде кеңею қажеттілігіне назар аудартады.

Бақылау тобының өздігінен, арнайы педагогикалық ықпалсыз тілдік белсенділігін өзгертпейтіні, қазақ тілін цифрлық ортада дамытуға бағытталған оқыту мен мотивациялық шаралардың тиімді нәтиже беретіні белгілі болды.

Жалпы алғанда, қазақ тілінің цифрлық кеңістіктегі әлеуеті жоғары және ол дұрыс педагогикалық тәсілдер мен мотивациялық қолдау арқылы кеңейе түседі. Жастардың тілді «модалық тренд», танымдық құрал, қоғамдық пікір білдіру формасы ретінде қабылдай бастауы – қазақ тілінің заманауи медиамәдениетпен ұштасуының көрсеткіші. Бұл үрдіс тілдің функционалдығын арттырумен қатар, қазақ тіліне деген ішкі тілдік сәйкестік пен бейілділікті де қалыптастырады.

Қорытынды. Жаһандану жағдайында қазақ тілі көптілді қоғамның, әсіресе жастардың арасында өзінің орны мен рөлін қайта анықтауды талап етеді. Зерттеу нәтижелері студенттердің тілдік тәжірибесінде қазақ тілінің қолданылуы тек ресми саламен шектелмей, цифрлық кеңістікте, бейресми қатынаста және танымдық контент құралы ретінде де белсенді дами бастағанын көрсетті. Сауалнама нәтижесі көрсеткендей, көптілді ортада білім алатын студенттердің тілді қолдану деңгейі, тәжірибесі әртүрлі. Сауалнамаға қатысқан студенттердің көбі қазақ тілін отбасында жиі қолданатыны, оқуда, достар арасында қазақ тілін орыс тілімен аралас қолданатыны байқалды. Бұл студенттердің тілдік ортаға бейімделу үдерісін көрсетеді.

Сонымен қатар, студенттер ресми, академиялық контексте, өз ойын жеткізуде қиындықтарға тап болатынын көрсетті. Мұндай қиындықтар көбіне сөздік қордың шектеулі болуынан, тілдік тәжірибенің жеткіліксіздігінен грамматикалық тұрғыдан кедергілерге алып келеді.

Сұхбат бойынша студенттер тілдік таңдауларын әңгімелесуші адамның тіліне, ортаға, білім жүйесіне, қарым қатынастың ресмилігіне байланысты икемдейтіні белгілі болды.

Жалпы, студенттер қазақ тілін дамытып сақтауда цифрлық контент пен медианы дамыту, қоғамдық өмірде қазақ тілін кеңінен қолдану керектігін атап өтті. Бұл тілдің жастар үшін тек қарым-қатынас құралы ретінде ғана емес, заманға сай тренд пен өзін көрсету құралы ретінде де маңызды бола алатындығын білдіреді.

Зерттеу нәтижелері қазақ тілін оқыту мен ілгерілетуде мотивацияға негізделген, тұлғалық маңызы бар және цифрлық мәдениетпен байланысты. Қазақ тілін қазіргі заман жастары үшін әлеуметтік және интеллектуалдық тартымды ету – оның болашағын қамтамасыз етудің маңызды тетігі болып табылады. Демек, қазақ тілі білім беру, медиа және коммуникация салаларында функционалды, беделді әрі сұранысқа ие тілге айналуы үшін жүйелі қолдау мен цифрлық кеңістіктегі белсенді насихат қажет.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ:

1. Бейсембаева, А. К. Полиязычие и казахский язык: вызовы и возможности // Язык и общество. – 2019. – № 4. – С. 22–26.
2. Есенгалиева, Ж. Ж., Абилова, Т. С. Языковая практика студентов в условиях трехязычного образования // Педагогика и психология. – 2020. – № 1 (44). – С. 45–50.
3. Мукашева, С. Р. Молодежь и язык: выбор и мотивация в полиязычной среде // Социальные науки в Казахстане. – 2021. – № 3. – С. 101–108.
4. Тилешова, Г. Ж. Цифровизация образования и функциональность казахского языка // Образование и язык. – 2022. – № 2. – С. 31–36.
5. Кульманова, Б. А. Формирование языковой идентичности студентов в условиях трехязычного образования // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2023. – № 3 (83). – С. 12–19.
6. Таубаева, С. Н., Садырбаева, Б. К. Поликультурная личность и казахский язык в условиях трехязычия // Современное образование. – 2020. – № 6. – С. 14–20.
7. Ибраева, Р. Н. Языковая лояльность и мотивация студентов в условиях полиязычия // Психология и социология образования. – 2021. – № 4. – С. 88–95.
8. Орынбаева, А. Б. Влияние семейной языковой среды на языковую социализацию студентов // Педагогикалық шолу. – 2022. – № 2. – С. 41–46.
9. Аймухамбетова, Ж. Т. Цифровой казахский язык: медийные практики студентов // Қазіргі филология мәселелері. – 2023. – № 1 (25). – С. 59–64.
10. Оразбаева, Н. К. Академическая сфера и казахский язык: проблемы и перспективы // Филологические науки в Казахстане. – 2023. – № 4. – С. 73–79.
11. Busch B. Constructing language biographies: Research on multilingualism in education // Language biographies in multilingual settings / eds. R. Ludwig, P. Østern. – Oslo: Novus Press, 2010. – P. 5–17.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718491>
УДК 378.147:004(574)

PROBLEMS AND CHALLENGES OF IMPLEMENTING DIGITAL TECHNOLOGIES IN LANGUAGE EDUCATION IN KAZAKHSTAN

SABINA BULATOVNA SRYMOVA

Master's student of the Faculty of Foreign Languages, Astana International University,
Astana, Kazakhstan

Abstract: *The digital transformation of education is reshaping learning worldwide, improving access and inclusion. In Kazakhstan, the “Digital Kazakhstan” programme prioritizes the integration of digital technologies into language education. While progress has been made in infrastructure, teacher training, and online platforms, challenges persist in rural schools and multilingual classrooms. This study analyzes key barriers such as digital literacy gaps, limited content localization, and insufficient pedagogical support. Using qualitative document analysis of national policy reports, international frameworks, and academic studies, the paper identifies systemic issues and highlights best practices for sustainable implementation. The results emphasize the need for a holistic approach that aligns technology, pedagogy, and assessment. Recommendations are proposed to strengthen teacher competence, develop localized digital content, and promote equity in digital language education across Kazakhstan.*

Keywords: *digital technologies, language education, Kazakhstan, digital divide, teacher training, multilingual education, online learning*

Introduction

In the 21st century, digital technologies have transformed education worldwide, creating opportunities for more interactive and personalized learning [1]. Kazakhstan launched the “Digital Kazakhstan” initiative in 2018, aiming to build a knowledge-based economy and a digitized society. Within this framework, education is a priority, with objectives including improving Internet connectivity, providing digital devices, and enhancing the digital literacy of teachers and students.

Language education is particularly impacted, as multilingual competencies in Kazakh, Russian, English, and other foreign languages are essential for global integration [2]. Digital tools, including learning platforms and interactive resources, offer potential benefits for language learning, such as access to authentic materials, collaborative tasks, and online assessments. However, the actual implementation in schools varies widely. Urban schools often have sufficient resources and trained teachers, whereas rural regions face significant infrastructural and pedagogical gaps [3].

This article explores the current state of digital technologies in language education in Kazakhstan, identifies challenges, and proposes solutions to enhance equitable and effective integration.

Methodology

This study applies a qualitative research design grounded in document analysis and comparative review. The research aims to examine how digital technologies are being integrated into language education in Kazakhstan and to identify the main challenges and opportunities for effective implementation.

The methodology consists of three main stages:

1. Data Collection: Analysis of national policy documents (e.g., *Digital Kazakhstan Programme*, Ministry of Education reports), and international frameworks by OECD, UNESCO, and UNICEF. Peer-reviewed studies from 2020–2025 were also reviewed.

2. Data Analysis: A thematic analysis approach was used to categorize findings into key themes: infrastructure, teacher competence, digital literacy, and content localization.

3. Comparative Review: Findings from Kazakhstan were compared with international best practices in multilingual digital education to identify gaps and potential solutions.

This design allows for an evidence-based understanding of policy trends, implementation challenges, and pedagogical implications. Reliability was ensured through cross-validation of national and international data sources.

Government Initiatives and Policy Framework

Kazakhstan’s digital education policies are anchored in the “Digital Kazakhstan” programme, which targets three main areas: infrastructure development, human capital enhancement, and digital public services [1]. The Ministry of Education has launched multiple initiatives to support these objectives, including the “Teacher of the New Generation” project and the Smart School pilot program [4]. These programs aim to improve teacher digital competence and provide schools with interactive tools for teaching multiple languages.

Digital platforms such as *Kundelik.kz* and *Bilimland.kz* have become central for communication, lesson planning, and assessment. While these platforms are widely available in urban schools, rural and remote regions experience limitations in access and technical support, highlighting the persistence of the digital divide [5].

Professional development is a key component of national policy. Programs focus on developing basic ICT skills and familiarizing teachers with online resources [3]. However, research indicates that training often does not sufficiently address digital pedagogy or adaptation of content for multilingual classrooms. Teachers require continuous support, mentoring, and communities of practice to implement technology effectively [6].

Impact of COVID-19 on Language Education

The COVID-19 pandemic in 2020 acted as a major catalyst for digital education globally and in Kazakhstan [7]. Overnight, more than 7,000 schools had to transition to remote learning, relying on digital platforms such as *Zoom*, *Google Meet*, *Kundelik.kz*, and *Bilimland.kz*. While this transition demonstrated resilience and adaptability, it also exposed significant challenges.

Many students, particularly in rural areas, lacked access to personal devices or stable internet, creating a “digital divide” that directly affected synchronous language lessons [7]. Teachers reported increased workloads and stress due to the sudden need to redesign lessons for online delivery. In addition, many educators had limited experience in creating interactive online tasks, which resulted in predominantly lecture-style or text-based lessons, rather than dynamic language practice [8].

On the other hand, the pandemic accelerated the adoption of blended and flipped classroom models. Students were able to watch instructional videos, complete interactive exercises, and then participate in synchronous speaking sessions. This model has shown promise in improving learner engagement, fostering autonomy, and allowing differentiated instruction according to students’ language proficiency levels [9]. However, its effectiveness depends heavily on teacher competence, student digital literacy, and reliable access to digital tools.

Infrastructure and Accessibility Challenges

Infrastructure remains a fundamental obstacle to equitable digital language education [8]. The Ministry of Education’s 2023 report indicates that approximately 25% of rural schools still lack reliable internet connectivity. Device availability also varies greatly across regions. Table 1 illustrates disparities in internet access and digital resources among selected regions of Kazakhstan.

Table 1. Regional Disparities in Digital Infrastructure in Kazakhstan

Region	Internet Access (%)	Computers per Student	Digital Platform Usage
Astana	98	1 per 3 students	Very High
Almaty	95	1 per 4 students	Very High
East Kazakhstan	82	1 per 6 students	Medium
Turkestan	70	1 per 8 students	Low
Kyzylorda	68	1 per 9 students	Low

These figures demonstrate significant inequities. Students in rural and peripheral regions often share devices and rely on mobile networks with inconsistent speeds. Even when schools possess

hardware, lack of maintenance or technical support causes frequent downtime, reducing the effectiveness of digital instruction. Nurgozhina (2023) emphasizes that inadequate infrastructure limits student participation in interactive tasks, speaking practice, and collaborative projects [9].

Furthermore, accessibility challenges extend beyond hardware and connectivity. Some schools lack trained IT staff to maintain equipment, update software, or assist teachers during lessons. These limitations hinder consistent integration of technology and increase teacher workload, creating additional barriers to effective digital language education [10].

Teacher Competence and Professional Development

Effective digital language education relies heavily on teacher competence, encompassing technical, pedagogical, and content knowledge [10]. In Kazakhstan, many teachers possess basic ICT skills but lack confidence in using technology for interactive language teaching. Yermekova et al. (2025) found that only 42% of pre-service teachers felt capable of integrating digital tools into language lessons effectively [2].

Professional development programs such as “Teacher of the New Generation” aim to enhance digital competence but often focus on tool usage rather than pedagogical strategies tailored for multilingual classrooms [7]. Teachers must balance multiple languages, manage digital platforms, design collaborative tasks, and ensure inclusivity for all students. Without ongoing support, mentoring, and communities of practice, teachers are likely to revert to traditional methods, using technology mainly as a substitution rather than a transformative tool [8].

Another important aspect is methodological knowledge. Teachers need training in flipped classrooms, gamified tasks, online assessments, and peer collaboration. Incorporating these approaches allows learners to engage more actively, promoting higher-order language skills such as speaking fluency, critical reading, and digital literacy [9]. Continuous professional development is essential, particularly in rural regions where teachers face limited peer support and professional networks [10].

Pedagogical and Methodological Challenges

Integrating digital technologies into language education in Kazakhstan requires significant pedagogical adaptation. In many schools, technology is still used mainly to replace traditional tools, such as slides, worksheets, or quizzes. This approach limits the potential for interaction, collaboration, and critical thinking among students.

Flipped classroom models, peer review through online platforms, and interactive speaking tasks remain underutilized. For instance, students may watch instructional videos or complete online exercises at home, then participate in live discussions or collaborative projects in class. These methods encourage autonomy, self-paced learning, and active engagement. However, insufficient teacher training and limited institutional support often hinder effective implementation.

Content adaptation is another challenge. While many platforms provide materials in English or Russian, fewer resources exist for Kazakh, Ukrainian, Polish, Kyrgyz, Turkish, or Uzbek. Teachers frequently spend extra time modifying materials to ensure they are linguistically and culturally appropriate, which can reduce instructional efficiency and limit interactive learning opportunities [10].

Student Digital Literacy

Student digital literacy is crucial for the success of online learning. Many students are familiar with social media and mobile applications, but academic digital skills—such as navigating learning platforms, collaborating online, and managing digital assignments—are unevenly developed. Those with limited skills may struggle to engage with interactive tasks, affecting the effectiveness of technology-enhanced language instruction.

Developing student digital literacy requires deliberate integration into the curriculum. Activities like collaborative document editing, peer feedback, online quizzes, and interactive speaking exercises can enhance both technical and cognitive skills. Focusing on digital competence alongside language learning helps students become more autonomous, motivated, and capable of fully benefiting from digital resources [11].

Content Localization for Multilingual Education

Localization of digital content is critical in Kazakhstan's multilingual education system. Although many platforms provide high-quality materials in English or Russian, very few are adapted for Kazakh, Ukrainian, Polish, Kyrgyz, Turkish, or Uzbek. This lack of localized content can reduce comprehension and engagement, particularly for students learning in less dominant languages.

Developing culturally and linguistically appropriate resources requires collaboration between curriculum designers, language specialists, and IT experts. Open-access repositories and adaptive learning platforms can provide teachers with materials that reflect local contexts and multilingual needs. Without such resources, teachers often spend considerable time adapting content, which limits opportunities for interactive and collaborative learning [12].

Assessment and Evaluation in Digital Language Learning

Digitalization also transforms assessment practices, presenting both opportunities and challenges. Effective assessment should measure not only knowledge acquisition but also practical skills such as speaking, listening, and collaborative problem-solving. Traditional paper-based tests are often insufficient for evaluating competencies developed through digital tools.

Online assessment platforms and learning analytics allow for real-time feedback, monitoring of student progress, and identification of areas needing support. Teachers can adjust instruction based on this data to provide targeted guidance. However, limited training in interpreting digital assessment results may result in underestimating student achievements or misaligning learning outcomes with online activities [13].

Case Studies and Examples from Schools

Several schools across Kazakhstan have piloted digital classrooms to explore best practices in language education. For example, a Smart School project in Almaty introduced blended learning for English classes, combining interactive platforms like Bilimland.kz with in-class speaking exercises and collaborative projects. Teachers reported noticeable improvements in student engagement, autonomy, and vocabulary acquisition, especially among learners who previously struggled with traditional teaching methods [14].

In contrast, rural schools face persistent challenges. For instance, in Kyzylorda province, limited Internet access and a shortage of digital devices hindered the effective use of technology. Students often had to share devices, and teachers relied on mobile networks, which were unstable. These conditions reduced lesson quality and limited opportunities for students to participate in interactive activities [15].

These examples demonstrate a clear digital divide between urban and rural schools. While urban schools benefit from strong infrastructure, professional development opportunities, and access to digital content, rural schools remain constrained by logistical, technical, and pedagogical barriers. Targeted interventions are necessary to address these disparities, ensuring equitable access to high-quality digital language education for all students.

Strategic Recommendations

To enhance the effectiveness of digital technologies in language education, a multi-pronged strategic approach is required:

1. **Infrastructure and Access:** Prioritize the expansion of broadband networks in rural areas, ensure that students have access to personal or shared devices, and provide technical maintenance and support at the school level.

2. **Teacher Professional Development:** Implement national standards for digital competence, incorporate modules on digital pedagogy for multilingual language instruction, and establish mentoring networks to support teachers in using technology effectively.

3. **Content Localization and Multilingual Resources:** Develop open-access, culturally relevant digital materials for Kazakh, Russian, English, and other foreign languages. Adaptive platforms should allow teachers to modify content efficiently for diverse classrooms.

4. **Methodological Innovation:** Encourage the adoption of flipped and blended classroom models, interactive speaking tasks, collaborative projects, and gamified learning exercises. These approaches enhance learner engagement and promote higher-order thinking skills.

5. **Student Digital Literacy:** Integrate digital skills training into curricula, focusing on autonomy, collaboration, and responsible use of technology. Equip students with the competencies required to navigate online learning effectively.

6. **Monitoring and Evaluation:** Develop data-driven monitoring systems to track digital learning outcomes. Establish ethical guidelines for online education, including measures to mitigate screen fatigue, ensure privacy, and promote digital well-being.

Future Prospects and Policy Implications

Digital transformation in language education offers Kazakhstan the opportunity to become a regional leader in multilingual digital learning. Long-term sustainability requires coordinated policies that integrate infrastructure, pedagogy, content development, and assessment into a cohesive system.

International collaboration and knowledge exchange can accelerate the creation of high-quality digital content, professional development programs, and innovative assessment strategies. Furthermore, fostering student digital agency, critical thinking, and intercultural competence will better prepare learners for global participation.

Sustainable implementation depends on continuous research, feedback, and refinement of digital practices. Policymakers, educators, and technology providers must work together to ensure equitable access, cultural and linguistic relevance, and pedagogical effectiveness. By addressing existing challenges, Kazakhstan can establish inclusive, innovative, and high-quality language learning environments that benefit all students.

Conclusion

Digital technologies have the potential to transform language education in Kazakhstan by providing interactive, flexible, and accessible learning opportunities. However, this potential is not fully realized due to infrastructure gaps, uneven teacher preparedness, insufficient localized content, and variable student digital literacy.

A comprehensive, systemic approach is necessary, encompassing investment in infrastructure, professional development, content localization, methodological innovation, and effective assessment practices. With sustained effort from the government, educational institutions, and the teaching community, Kazakhstan can develop a multilingual digital education ecosystem that enhances learning outcomes and narrows regional disparities.

REFERENCES

1. OECD. *Education in the Digital Age: Smart Policies for Skills Development*. Paris: OECD Publishing, 2022.
2. Nurgozhina Z. *Bridging the digital chasm: Empowering rural Kazakhstan's youth for a brighter future* // The Astana Times. 2023. URL: <https://astanatimes.com/2023/05/bridging-the-digital-chasm> (accessed: 07.11.2025).
3. Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan. *Report on Digitalization of Education in Kazakhstan*. Astana: Ministry of Education, 2023.
4. Berkimbayev K. M., Niyazova G. Zh. *The importance and models of forming the digital competence of teachers* // Vestnik Karagandinskogo Universiteta. 2021. № 3. P. 45–56.
5. Amirova A., Nurumov K., Kasa R., Akhmetzhanova A., Kuzekova A. *The impact of the digital divide on synchronous online teaching in Kazakhstan during COVID-19 school closures* // Frontiers in Education. 2022. Vol. 7. P. 1–12.
6. Tashkyn E., Tashev Zh. N. *Digital competence as a key competence of a teacher in foreign language education in the XXI century* // Bulletin of KazUIR & WL named after Ablai Khan. 2020. № 2. P. 23–35.
7. Yermekova M., Yrymbayeva N., Rakhimgalieva P., Akbidash A. *Bridging the digital divide: Assessing future educators' competence in Kazakhstan* // International Journal of Innovative Research and Scientific Studies. 2025. Vol. 11, № 4. P. 55–67.
8. UNESCO. *Digital Learning for All: Building inclusive digital education ecosystems*. Paris: UNESCO, 2023. URL: <https://unesco.org/digital-learning> (accessed: 07.11.2025).
9. UNICEF Kazakhstan. *Education Technology Assessment Report*. Astana: UNICEF Kazakhstan, 2024. URL: <https://unicef.org/kazakhstan/education-tech> (accessed: 07.11.2025).
10. European Commission. *The Digital Education Action Plan (2021–2027)*. Brussels: European Commission, 2023. URL: <https://education.ec.europa.eu/action-plan> (accessed: 07.11.2025).
11. OECD. *Future Skills and Digital Transformation in Education*. Paris: OECD Publishing, 2023.
12. Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan. *Digital Technologies in Education: Policy and Practice*. Astana: Ministry of Education, 2022.
13. Amirova A., Akhmetzhanova A., Kuzekova A. *Digital tools for language learning in Kazakhstan: Challenges and prospects* // Kazakh Journal of Education Technology. 2021. Vol. 5, № 1. P. 12–28.
14. Nurumov K., Kasa R. *Blended and online learning models in urban schools of Kazakhstan* // International Review of Education. 2022. Vol. 68. P. 451–467.
15. Tashkyn E., Tashev Zh. N. *ICT integration in multilingual classrooms: Evidence from Kazakh schools* // Central Asian Journal of Educational Research. 2020. № 4. P. 78–90.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17718505>

ИСТИЛОҲОТИ БИОЛОГИИ ФАРОНСАВӢ ДАР ЗАБОНҲОИ ТОЧИКӢ ВА ОЛМОНӢ

Т. У. МИСКИНОВА

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
ш.Душанбе, Тоҷикистон.

Қ. Ш. ТӢРАҲАСАНОВ

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
ш.Душанбе, Тоҷикистон.

ФРАНЦУЗСКИЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ НА ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

МИСКИНОВА Т. У.

старший преподаватель общеуниверситетской кафедры немецкого - французского
языках Таджикского национального университета. Республика Таджикистан, г. Душанбе

ТӢРАҲАСАНОВ Қ. Ш.

Доктор филологических наук, профессор кафедры таджикского языка и методики
преподавания языка и литературы Таджикского национального университета. Республика
Таджикистан, г. Душанбе

Анотация: В статье обсуждаются различные вопросы французской биологической терминологии в таджикском и немецком языках. Как отмечает автор статьи, согласно научным и историческим источникам, в биологических медицинских источниках много таджикских и немецких биологических терминов, и они используются специалистами в данной области. Кроме того, в таджикском и немецком языках можно наблюдать большое количество биологических терминов, пришедших в эти языки из различных международных языков. С этой точки зрения можно сказать, что в таджикском и немецком языках, как и в других языках мира, многие биологические термины возникли различными способами формировались и совершенствовались, из таких отечественных и зарубежных возможностей они строили свои средство и средство терминологии и лексики.

В итоге автор статьи приходит к выводу, что в результате взаимодействия и взаимодействия различных языков, в том числе таджикского-французского, немецко-французского, английского и французского, эти языки играют эффективную роль в формировании и развитии биологических терминов таджикского и немецкого языков.

Ключевые слова: деградация. дезоксирибон, трансплантация, метизация, комменсализм, канибализм, дезоксирибон, кадастр, транспирация.

Забони фаронсаӣ дар баробари забонҳои португалӣ, испанӣ, италияӣ, ки дар миқёси забонҳои романӣ мақому мартабаи хоса доранд, яке аз забонҳои нави романӣ ба шумор меравад. Ҳамин нуктаро низ бояд қайд намуд, ки яке аз омилҳои ба миён омадани забонҳои нави романӣ, ин забони латинӣ мебошад.

Боиси зикр аст, ки дар сарчашмаҳои тиббии биологӣ имрӯз калимаву истилоҳоти биологии тоҷикӣ ва олмонӣ хеле зиёд буда, дар адабиёти биологии тоҷикӣ ва олмонӣ ба таври назаррас ба мушоҳида мерасад. Тавре сарчашмаҳо нишон медиҳанд, истилоҳоти биологие, ки дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ ба миён омадаанд, бештари онҳо реша ва ё асоси фаронсаӣ дошта, дар марҳилаҳои мухталифи таърихи инкишофи забон суфтаву сайқал ёфта, имрӯз ба ҳайси як захираи бою луғавии истилоҳоти биологӣ ва ҳам таҷрибаи илмию амалии

мутахассисони биологӣ дар фаронса асосҳои амаливу озмоишгоҳии хешро инъикос намудааст [13; 14].

Бинобар ин, метавон қайд намуд, ки дар забони тоҷикӣ ва олмонӣ ба монанди дигар забонҳои дунё истилоҳоти тахассусӣ бо роҳу воситаҳои мухталиф ба миён омада, бо гузашти вақт ҳазм шуда, ташаккул ёфта, роҳу усулҳои истилоҳсозии хешро аз ҳисоби ана ҳамин гуна имконот бой мегардонад.

Бо зикри масоили пешомада меҳоҳем фикру андешаҳои хешро доир ба истилоҳоти иқтибосии биологӣ фаронсавӣ ва роҳу усулҳои истилоҳсозии биологӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ баён намоем.

Тавре дар сарчашмаҳои таърихӣ ба мушоҳида мерасад, дар натиҷаи бархӯрд ва робитаҳои забонии забонҳои гуногун, аз ҷумла забонҳои тоҷикиву (форсӣ) фаронсавӣ, олмониву фаронсавӣ ин забонҳо дар ташаккулу тақомули истилоҳоти биологӣ забонҳои тоҷикиву олмонӣ нақши муассир доранд [9; 11; 12].

Ҳангоми таҳлилу баррасии истилоҳоти иқтибосии биологӣ, ки дар сарчашмаҳои илмиву биологӣ ва дар фарҳангномаҳои биологӣ тоҷикиву олмонӣ ба мушоҳида мерасанд, дақиқу равшан гардид, ки дар баробари дигар забонҳо истилоҳоти иқтибосии биологӣ аз забони фаронсавӣ низ бештар ба назар мерасад [1; 4; 6].

Бо дарназардошти масоили мухталифи истилоҳсозиву истилоҳшиносӣ ва дақиқу равшан намудани вижагиҳои этимологӣ онҳо дар ин бахш назари худро ба ҳамин масъалаҳо иброз менамоем.

Истилоҳи биологӣ **“gas - газ”** ҳамчун истилоҳи илмӣ дар бахшҳои мухталифи илми биология доираи васеи истифода дорад.

Истилоҳи **“gaz”** аз калимаи фаронсавӣ **“газ - gaz”** [7, с. 109] ва юнонии **“chaos”** [7, с. 557] гирифта шуда ба маънии **“бесарусомониву бетартибӣ далолат”** мекунад [7, с. 109, 557]. Дар баъзе сарчашмаҳои дигари биологӣ истилоҳи **“gaz”** ба маънои ҳолати агрегатии модда, ки энергияи муҳаррики ҳароратии ҳиссаҳои он ба таври назаррас ва ошкоро энергияи мутақобилаи байни онҳоро таъсир мерасонад, ки дар натиҷаи он зарраҳои онҳо ҳаракати озод намуда, тамоми маводи дар ихтиёрашон бударо пурраву мукамал менамоянд. Истилоҳи мазкур дар забони олмонӣ дар шакли **“gaz”** тавзеҳ ёфтааст. [1, с. 34].

Истилоҳи **“gazon - газон”** решаи фаронсавӣ дошта, дар луғатҳои биологӣ ба маънои **“чаман ва ё сабззор”** маънидод карда шудааст [1, с. 36].

Истилоҳи фаронсавӣ **„global - глобал”** дар илми биология ҳамчун истилоҳи соҳавӣ дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ мавқеи хоса дорад. Ин истилоҳ дар сарчашмаҳои илмӣ ва фарҳангномаҳои биологӣ ба маънии масъалаҳои ҳаётан муҳимме, ки ба ҳамаи сарзаминҳои сайёраи замин тааллуқ дошта, тамоми қурраи заминро фаро мегиранд, фаҳмида мешавад. [7, с. 138]. Дар забони тоҷикӣ ва олмонӣ шакли латиниву юнонии он бо номи **„global”** ва **„globus”** низ хеле серистеъмол аст. Дар забони олмонӣ низ дар ҳамин шакл шарҳ дода шуда, вале дар забони олмонӣ, аз нигоҳи тарзи талаффуз каме фарқ мекунад glo - bahl [1, с. 39].

Ба ҳамин монанд дар илми биологияи муосир ва шохаҳои мухталифи он ҳайвонотшиносӣ, растанишиносӣ, ҷонваршиносӣ истилоҳоти биологӣ решаи баромадашон фаронсавӣ **„degradation – деградатсия”, „dezinspektum - дезинсекция”, „dezoksiribon - дезоксирибон”, „cadastre - кадастр”, „canabalizm - канабализм”** дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ доираи васеи истифода доранд [5; 10].

Истилоҳи биологӣ фаронсавӣ **„degradation – деградатсия”** аслан решаи фаронсавӣ дошта, ба маънии ба таври тадриҷӣ бадшавӣ, харобшавӣ ва ё таназзули умумии муҳити зисти табиӣ ва ё иҷтимоӣ далолат менамояд. Истилоҳи мазкур дар забони олмонӣ доираи васеи истифода дорад.

Дар Фарҳанги истилоҳоти хориҷӣ истилоҳи биологӣ фаронсавӣ **„degradation – деградатсия”** чунин шарҳу тавзеҳ дода шудааст: **„degradation”** – ин зина ба зина сатҳи харобшавии умумии табиат ва ё муҳити атрофро меғўянд, ки дар натиҷа ҳаёти табиӣ ва ё иҷтимоӣ муҳити атроф қомилан ба поён мерасад [7, с. 152].

Истилоҳи “**дезинсекция**”, ки аз калимаи фаронсавии „**dez + inspektum**” гирифта шудааст, дар илми биологияи муосир серистифода буда, ба маънои “ҳашаротро меҳӯрам ва ё мекушам” далолат менамояд. Яъне дар зери мафҳуми „**dezinspektum**” маҷмуи амалу ҳаракатҳое фаҳмида мешавад, ки бо мақсади нобуд сохтани ҳашароти зараррасон дар фермаҳои чорводорӣ, фабрикаҳои парандапарварӣ, корхонаҳои гӯшт, анборҳои маҳсулоти чорво равона карда мешавад. Истилоҳи „**dezinspektum**” дар забони олмонӣ ва сарчашмаҳои биологии он дар ҳамин маънӣ мавриди истифода қарор дода шудааст [1, с. 45].

Тавре дигар сарчашмаҳо ва фарҳангномаҳои биологӣ нишон медиҳанд, дар зери мафҳуми истилоҳи фаронсавии „**dezinspektum - дезинсекция**” маҳв намудани ҳашароти зараррасон дар осорхонаҳо, китобхонаҳо, бунгоҳҳои тиббиву чорводорӣ низ фаҳмида мешавад [2, с. 19 - 21].

Истилоҳи фаронсавии „**dezinfektio – дезинфекция**” низ дар луғатномаҳо ва фарҳангномаҳои биологӣ айнан ҳамин мазмунро ифода намудааст, ки дар боло зикр намудем. Истилоҳи биологии фаронсавии „**dezoksiribon - дезоксирибон**” дар соҳаи илми биология дар забони олмонӣ серистифода буда, ба маънои нигоҳ доштану аз нав эҳё намудан ва ё аз нав ба вучуд овардани ҳаёт меояд [2, с. 41 - 43].

Истилоҳи „**cadastre - кадастр**” ҳамчун истилоҳи биологӣ аз калимаи фаронсавӣ гирифта шуда, маҷмуи маълумотҳои батартибдаровардашудаеро ифода менамояд, ки ба таври даврагӣ ё бо роҳи мушоҳидаи бефосила ба даст оварда мешавад [1, с. 61]. Истилоҳи мазкур дар забони олмонӣ низ ба ҳамин маънӣ шарҳ дода шудааст [1, с. 61].

Ҳамин тариқ, тавре мушоҳидаҳо нишон медиҳанд, истилоҳоти биологии „**degradation – дегродация**”, „**dezinspektum - дезинсекция**”, „**dezinfektio – дезинфекция**”, „**dezoksiribon - дезоксирибон**”, ва „**cadastre - кадастр**” дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ васеъ истифода шуда, маъниҳои ба ҳам монандро ифода менамоянд [3, с. 103 - 105].

Истилоҳоти биологии фаронсавӣ, ки мафҳумҳои ҳаётшиносӣ ва ҳайвонотшиносӣ ва набототшиносӣ чонваршиносиро ифода менамоянд, дар биологияи муосир шакли латинӣ ва юнонии онҳо то имрӯз дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ қобили истифода мебошад: „**commensal - комменсализм**”, „**canibal – канибализм**”, „**lier – льер**”, „**metisotio mentis - метизация**”, „**modere - модель**”, „**relief - рельеф**”, „**transspiro - транспирация**”, „**expertise - экспертиза**”, „**ellite - элита**” [2; 3].

Истилоҳи фаронсавии „**комменсализм – commensal**” ҳоси соҳаи биология буда, ҳамзистии ду намуди ҳайвонро меғӯянд, ки яке ба дигараш зарар нарасонида, аз ҳисоби якдигар зиндагӣ мекунад. Ин истилоҳ дар шакли латинӣ : „**commensal**”, дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ истифода мешавад [1, с. 62 - 63].

Истилоҳи фаронсавии „**canibal**” низ дар соҳаи биология серистифода буда, ба маънои аз тарафи одамон хӯрдани гӯшти одам, яъне ба сифати ғизо қобили истифода қарор додани фардҳои намуди хурд, фаҳмида мешавад [1, с. 65].

Истилоҳи биологии „**лиан – lian**” аз калимаи фаронсавии „**lianes - лианез**” гирифта шуда, ба маънии растаниҳое, ки қобилияти танашонро мустақилона рост доштан надоранд, далолат менамояд [1, с. 65]. Дар луғатномаҳои биологӣ ҳамчунин ба маънои растаниҳои гулдор, ки ба синфи лучтухмҳо дохил мешаванд, фаҳмида мешаванд [7, с. 283].

Ба ҳамин монанд истилоҳи биологии фаронсавии „**metisotio - метизация**” дар биологияи муосир васеъ истифода мешавад. Истилоҳи мазкур ҳам дар забони тоҷикӣ ва ҳам олмонӣ дар шакли „**metisotio**” ё худ дар қолаби юнонии „**metis**” ба маънои чуфткунии ҳайвонҳо, ки дар натиҷаи он ҳайвонҳои ҷинсҳои мухталифро дар ҳолати як шакл дурага мекунад, фаҳмида мешавад [1, с. 74 - 76]. Яъне, ба ибораи дигар, ҳайвонҳои аз чуфткунии ду ҷинс бавучудояндаро меғӯянд: [7, с. 314].

Истилоҳи фаронсавии биологии „**модель**”, аз калимаи фаронсавии „**modele**”, ба латинӣ „**modelus**”, гирифта шуда, ба маънои андоза, намуна, тимсол, қолаб, тарз, шакл далолат намуда, дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ доираи васеи истифода доранд.

Ё худ истилоҳи биологии „**релыф**“, ки аз калимаи фаронсавии „**relief**“ ва лотинии „**releba**“, яъне ба маънои мебардорам, гирифта шудааст, яке аз мафҳумҳои ифодагари маҷмӯи истилоҳоти соҳаи биологӣ дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ ба шумор меравад [1, с. 103].

Истилоҳи биологии „**транспирация**“ низ аз забони фаронсавӣ реша гирифта, аз калимаи фаронсавии „**trens**“, ва лотинии „**spiro**“ – ба маънои нафас мегирам, нафас мебарам таркиб ёфта, маънои бухоршавии оби растаниҳоро ифода менамояд [1, с. 112].

Ё худ истилоҳи биологии „**трансплантация**“, ки аз калимаи фаронсавии „**transplantatio**“ гирифта шуда, ба маънои ҷойивазкунӣ, кӯчаткунӣ, яъне кӯчидани бофтаҳо ва ё узвҳо дар ҷисму ҷони растаниҳову ҳайвоноту одамон далолат менамояд, дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ васеъ истифода мешавад [1, с. 113].

Истилоҳи фаронсавии „**экспертиза**“, ки дар биология таъсири одамонро ба муҳити атроф ё худ мувофиқ будани лоиҳаҳоро бо талаботи муҳофизати табиат ва роҳҳои ҳамоҳангсозии барномаҳоро ба нақшаи рушди иқтисодӣ муоина менамояд, ҳамчун истилоҳи серистифодаи соҳаи биология аз решаи фаронсавии „**expertise**“ таркиб ёфта, ба маънои маҷмӯи санҷишҳо, озмоишҳо ва таҷрибаҳо далолат менамояд [7, с. 538].

Дар натиҷаи таҳлилу баррасиҳо маълум гардид, ки истилоҳоти фаронсавии *degradation* – *деградация*, *dezinspektum* – *дезинсекция*, *dezinfektio* – *дезинфекция*, *dezoksiribon* – *дезоксирибон*, *cadastre* – *кадастр*, *commensal* – *комменсализм*, *canibal* – *канибализм*, *lier* – *лиер*, *metisotementis* – *метизация*, *modere* – *модель*, *relief* – *рельеф*, *transspiro* – *транспирация*, *expertise* – *экспертиза*, *ellite* – *элита* имрӯз ҳам дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ дар соҳаи илми биология ва шохаҳои мухталифи тиб ба таври фарох қобили истифода буда, аз нигоҳи мафҳуми маънӣ дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ як маъниро ифода менамоянд. Ин нуктаро муҳаққиқ Қ. Ш. Тӯраҳасанов низ дар осори илмӣ хеш таъкид намуда, дар баробари забони фаронсавӣ ҷойгоҳи калимаҳои иқтибосии лотиниро низ муҳим арзёбӣ менамояд [8; 9].

Тавре оғай пайдо намудем, раванди иқтибосшавии истилоҳоти соҳавӣ дар забонҳои тоҷикиву олмонӣ аз давраҳои мухталифи рушду инкишофи ин забонҳо сарчашма гирифтаву идома ёфта, доманаи таъсири он то ба замони мо низ расидааст. Бо дарназардошти ин масъала қайд намудан лозим ва зарур аст, ки дар ташаккул ва таҳаввули истилоҳоти биологии забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ ин ҷараён нақши муҳим ва назаррасро касб намудааст. Зеро ҳодисаи иқтибосшавии истилоҳоти биологӣ аз забонҳои гуногун ба забонҳои тоҷикиву олмонӣ ба қудрату тавонмандии забонҳо нерӯи тоза бахшида, барои ифода намудани мафҳумҳои дақиқи илмӣ дар ин соҳа мусоидат менамояд.

Ҳамин нуктаро низ бояд қайд намоем, ки вобаста ба бархурди забонҳои тоҷикиву олмонӣ бо забонҳои дигари шарқиву байналмилалӣ истилоҳоти зиёди соҳавӣ, аз ҷумла биологӣ ба забонҳои тоҷикиву олмонӣ ворид гардида, дар осори илмӣ мо мавриди истифода қарор гирифтаанд.

АДАБИЁТ:

1. Бердиев Ч, Ёров Ч.Д., Сафаров С.С., Давлатов Д.М., Шамсуллоева С. С. Луғати тафсирии истилоҳоти биологӣ – экологӣ. – бохтар, 2021. 157 с.
2. Москвин А.Ю. Большой словарь иностранных слов. Сост. А.Ю. Москвин, - Москва; центполиграф, 2005. – 816 с.
3. Мюллер В.К. Большой англо – русский и русско – английский словарь. 200000 слов и выражений./В.К.Мюллер. – Москва; ЭСКОМО. 2007. – 1008 с.
4. Расулов М. Я. Фарҳанги тиббӣ (русӣ – тоҷикӣ – лотинӣ) Ҷ. 1. Душанбе, 1973. 480 с.
5. Расулов М. Я. Фарҳанги тиббӣ (русӣ – тоҷикӣ – лотинӣ) Ҷ. 2. Душанбе, 1982. 464 с.
6. Сафаров О. И., Муродов М. Ҷ. Луғати русӣ – тоҷикӣ – лотинии истилоҳоти клиникӣ, анатомӣ, фарматсевтӣ. //О. И. Сафаров. – Душанбе, 2016. – 265 с.
7. Словарь иностранных слов. – Москва; Русский язык, 1989. – 624 с.
8. Тӯраҳасанов Қ. Ш. Истилоҳоти тиббӣ, ки аз забони лотинӣ ба забони тоҷикӣ гузаштаанд. – Душанбе, - 1996. с. 113 – 119.
9. Тӯраҳасанов Қ. Ш. Истилоҳоти иқтибосии тиббӣ. – Душанбе, - 1997. с.48 – 54
10. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ. 1 – Душанбе, 2008. – 950 с.
11. Ҳасандӯст Муҳаммад. Фарҳанги решашинохтии забони форсӣ. М. Ҳасандӯст. Ҷилдт аввал. – Техрон: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ. 1393 (20140. – 586 с.
12. Чумъаев Т. Б. Персидские заимствования во французском языке: лексико – семантический и грамматический анализ. / Т. Б. Чумаев. – Душанбе: Ашуриён, 2022 – 199 с.
13. Barnhart Robert K/ The Barnhart Concise Dictionary of Etymology the origins of American English words. Edited by Robert K. Barnhart. – New York Horper Collins. Rublishers, 1995/ 916 p.
14. Le Robert Micropoche Dictionnaire de la francaise. T. XIII. Paris, 1988. – 188 p.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ **PHYLOLOGICAL SCIENCES**

GÜLNARƏ ADİL QIZI KAZIMOVA [AZƏRBAYCAN] AŞIQ ƏLƏSGƏR POEZİYASININ SİRLİ-SEHRLİ ALƏMİ.....	3
SOLIEVA M.A. [KHUJAND, TAJIKISTAN] THE STRUCTURES AND METHODS OF FORMING TERMS IN LINGUISTICS.....	8
РОМАНОВА РИТА КАРТАЕВНА [АЛМАТЫ, ҚАЗАҚСТАН] ҚАЗАҚ ӨЛЕҢДЕРІНДЕГІ ҰЛТТЫҚ ДҮНИЕТАНЫМ КӨРІНІСТЕРІ.....	16
ШАМСУЛОЕВА МЕҲРОНА ЗИКИРЛОЕВНА [БОХТАР, ТАДЖИКИСТАН] СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МЕЖДУ ТАДЖИКСКИМ, АНГЛИЙСКИМ И КИТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ.....	20
ШОДИЕВ ДЖАХОНГИР СОЛИДЖОНОВИЧ [ТАДЖИКИСТАН] ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	28
FERUZA BERDALIEVNA TILENBAYEVA, ZHANNA KUDAIBERGENOVNA MAKHANOVA PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR IMPLEMENTING THE STRATEGY OF INTERACTIVE TEACHING METHODS IN ENGLISH LESSONS.....	34
FERUZA BERDALIEVNA TILENBAYEVA, ZHANNA KUDAIBERGENOVNA MAKHANOVA FEATURES OF USING INTERACTIVE METHODS AT THE INITIAL STAGE OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE....	36
КЕНЖЕГАЛИЕВА МЕРУЕРТ КАЙРАТОВНА [АЛМАТЫ, ҚАЗАҚСТАН] КӨПТІЛДІ ОРТАДАҒЫ ҚАЗАҚ ТІЛІ: СТУДЕНТТЕРДІҢ ТІЛДІК ТӘЖІРИБЕСІ.....	39
SABINA BULATOVNA SRYMOVA [ASTANA, KAZAKHSTAN] PROBLEMS AND CHALLENGES OF IMPLEMENTING DIGITAL TECHNOLOGIES IN LANGUAGE EDUCATION IN KAZAKHSTAN.....	49
Т. У. МИСКИНОВА, Қ. Ш. ТҰРАҒАСАНОВ [ДУШАНБЕ, ТОҶИКИСТОН] ИСТИЛОҲОТИ БИОЛОГИИ ФАРОНСАВӢ ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА ОЛМОӢИ.....	55

"IN THE WORLD OF SCIENCE AND EDUCATION"

Контакт

els.education23@mail.ru

Наш сайт

irc-els.com

international scientific centre "Endless light in science"

